

ДИКІЕ

Vd 3384

N 181

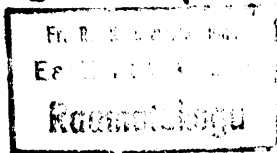
М. П. АРЦЫБАШЕВЪ

ДИКІЕ

ПОВѢСТЬ

SV 7297

447757

1 9 2 3

ИЗДАТЕЛЬСТВО И. П. ЛАДЫЖНИКОВА
БЕРЛИНЪ

Право собственности закрѣплено за
авторомъ во всѣхъ странахъ, гдѣ это
допускается существующими законами.
Alle Rechte vorbehalten, insbesondere
das Übersetzungsrecht.

Copyright 1923 by the autor.

I.

Дворъ купца Дикого стоялъ на большой пустынной площади, гдѣ ежегодно бывала конская ярмарка, отчего вся земля была покрыта сѣнной трухой и мягкимъ, перегнившимъ навозомъ. Площадь называлась Сѣнной. Тамъ былъ длинный ровъ, въ которомъ никогда не высыхала ржавая вонючая вода, и полуосыпавшійся земляной валъ. Говорили, что это остатки старой казацкой крѣпости, и что при раскопкахъ во рву находили много человѣческихъ костей. На валу бѣгали и грызлись бродячія собаки, въ самомъ дѣлѣ, постоянно таская какія-то желтыя кости, можетъ быть, и впрямь человѣчьи.

Вокругъ площади были разбросаны приземистые мѣщанскіе домишки съ сѣрыми деревянными заборами и пыльными, чахлыми садами, гдѣ росли только мелкія, кислыя яблоки. Въ одну сторону площадь спускалась къ грязной извилистой рѣченкѣ, сплошь заросшей густою осокою. Черезъ рѣчку шелъ длинный деревянный мостъ, кривой и трухлявый, а у моста стояла древняя, почернѣвшая кузница, съ земляной крышей, на которой росла зеленая трава. По вечерамъ отъ рѣчки тянуло сыростью и каменноугольнымъ дымомъ, въ открытыхъ дверяхъ кузницы таинственно бле-

стѣлъ красный огонь, и далеко разносилось мелодически-звонкое постукиваніе кузнечныхъ молотковъ. Съ другой стороны, площадь примыкала къ городскому саду, единственному зеленому и тѣнистому уголку города, расположеннаго на ровномъ и пыльномъ мѣстѣ. По праздникамъ въ саду играла военная музыка.

Прямо же противъ дома Дикихъ начиналась прямая и длинная, выходявшая въ поле, Кладбищенская улица. По ней часто носили покойниковъ и тогда далеко было слышно, какъ перезванивались дребезжащіе кладбищенскіе колокола.

Подъ стать унылой площади былъ и дворъ Дикого, такой же огромный и пустой, окруженный высокими заборами и крѣпкими амбарами. Подъ заборомъ валились бревна и старыя бочки, межъ которыхъ росъ пыльный бурьянъ и высилась зеленая, жесткая крапива. Краснокирпичный домъ, одноэтажный, но на высокомъ фундаментѣ, смотрѣлъ на площадь рядомъ темныхъ, никогда не отворявшихся оконъ. Со двора къ дому была пристроена неуклюжая стеклянная галлерей, на которой зимой было холодно, а лѣтомъ жарко, какъ въ печи. Передъ галлереей былъ такой, какъ и вездѣ, чахлый, бесплодный садъ, гдѣ росло только одно большое дерево — сѣдая, пыльная верба. Достаточно было взглянуть на этотъ дворъ, чтобы сразу рѣшить, что тутъ живутъ тяжелые, угрюмые люди, которые крѣпко берегутъ копейку, ѣдятъ обильную жирную пищу, храпятъ во снѣ, никогда не смѣются, а во хмѣлю или въ гнѣвѣ бываютъ дики и страшны, какъ первобытные варвары. Не даромъ и фамилія у нихъ была такая странная — Дикіе.

Старикъ Дикой давно умеръ, и послѣ него осталось три сына: старшій — Климъ Ивановичъ, такой же грузный, суровый и дѣловой человѣкъ, какимъ былъ отецъ; средній — Захаръ, высокій, бѣлокурый силачъ, и младшій — Петенька, отъ рожденія идиотъ, пухлый, жирный человѣкъ, съ низкимъ лбомъ, маленькими хитрыми глазками и толстыми, до слюнь распущенными губами.

Хотя всѣми дѣлами вершилъ Климъ Ивановичъ, еще при жизни отца взявшій все въ свои руки, но главою семьи продолжала считаться вдова старика — Анна Петровна, женщина строгаго, старообрядческаго типа, всегда повязанная чернымъ платочкомъ и ревниво берегущая семейное добро. Ее зналъ, боялся и уважалъ весь городъ, и не только сыновья, но даже работники и сосѣди звали ее «мамашей».

Климъ Ивановичъ былъ женатъ и твердо соблюдалъ брачную заповѣдь. Дѣтей у него не было. Захаръ, характеромъ вообще не въ семью, былъ холостъ и путался на сторонѣ съ бойкими мѣщанскими дѣвками. Идиотъ же Петенька, отличавшійся чисто обезьяньимъ сладострастіемъ, бѣгалъ за дѣвками, поденщицами, работавшими на огородѣ и въ маслобойнѣ Дикихъ. Хотя онъ былъ очень безобразенъ и не говорилъ, а только мычалъ, рѣдкая изъ этихъ легкомысленныхъ дѣвицъ ускользала отъ него. Онъ соблазнялъ ихъ полтинниками, пряниками и золотыми крестиками. Стоило на огородѣ появиться смазливой дѣвкѣ, какъ Петенька былъ уже тутъ какъ тутъ, что-то мыча и суя ей въ руку или за пазуху пряники и конфеты. А дня черезъ три дѣвка, робко оглядываясь кругомъ, не видитъ ли кто, уже

воровски шмыгала въ высокій бурьянъ, гдѣ ждалъ ее Петенька. Довольный и веселый, онъ шелъ потомъ черезъ дворъ, а сконфуженная дѣвка сторонкой, по за амбарами пробиралась на огородъ, къ своимъ товаркамъ, и на смуглой, загорѣлой груди у нея уже блестѣлъ золотой крестикъ на голубенькой или красенькой ленточкѣ. Этихъ дѣвокъ такъ и звали «Петенькиными крестницами».

Климъ Ивановичъ терпѣть не могъ этого безобразія и, если замѣчалъ, гонялъ дѣвокъ палкой, а Петенькѣ грозился разъ и навсегда отбить охоту ко всякимъ пакостямъ.

Случилось, что одна изъ дѣвокъ забеременѣла, и мать ея, базарная торговка, пришла на дворъ съ жалобой. Климъ Ивановичъ заплатилъ бабѣ десять рублей, но въ тотъ же вечеръ поймалъ прятавшагося идиота и билъ его до тѣхъ поръ, пока Петенька не свалился замертво. Потомъ его отливали водой, а Климъ Ивановичъ стоялъ на крыльцѣ, судорожно сжималъ кулаки и презрительно бормоталъ:

— Ладно... не подохнетъ!..

Идиотъ съ дѣтства боялся старшаго брата, а послѣ этого случая возненавидѣлъ его темной, животной ненавистью. Сдѣлать ему онъ, конечно, ничего не могъ, но когда Климъ Ивановичъ, распоряжаясь, ходилъ по двору, идиотъ, спрятавшись гдѣ-нибудь въ бурьянѣ, по цѣлымъ часамъ неотступно слѣдилъ за нимъ такими злыми, пристальными глазами, какими звѣри смотрятъ на своего укротителя.

Но зато Петенька не только любилъ, но прямо обожалъ брата Захара, который никогда не оби-

жалъ его, часто давалъ ему денегъ на пряники и бралъ съ собой на охоту. Ружейные выстрѣлы доставляли идиоту величайшее удовольствіе, а когда подстрѣленная птица безпомощно трепыхалась въ камышахъ, Петенька со звѣриной ловкостью схватывалъ ее и прокусывалъ ей затылокъ своими огромными желтыми зубами. При этомъ онъ урчалъ, какъ дикій котъ, и на него было страшно и противно смотрѣть.

Климъ Ивановичъ велъ всю торговлю и счета. Захаръ подолгу живалъ на степномъ хуторѣ, наблюдая за полевыми работами, и завѣдывалъ маслобойней, построенной по его мысли и плану. Домашнее хозяйство лежало на Аннѣ Петровнѣ. Идиотъ же Петенька ничего не дѣлалъ, пакостилъ съ дѣвками и жралъ. Мать и старшій братъ искренно считали его Божескимъ наказаніемъ, посланнымъ ихъ семейству за гордость старика Дикого, который всегда и всюду считалъ себя первымъ человѣкомъ.

II.

Климъ Ивановичъ былъ много старше Захара и Петеньки. Женился онъ уже сорока пяти лѣтъ. До тѣхъ поръ онъ всегда говорилъ, что ему некогда думать объ этихъ глупостяхъ, но однажды поѣхалъ по дѣламъ въ сосѣднюю слободу, увидалъ тамъ свою будущую жену, Глафиру, дочь прогоравшаго барышника, и вдругъ тяжело и мрачно въ нее влюбился. Такъ влюбился, что даже затосковалъ и почернѣлъ.

Глафира была женщина небольшого роста, но стройная, ловкая и удивительно красивая, съ

пышными плечами, съ маленькими крѣпкими руками, широкими черными бровями и такими вкусными, свѣжими губами, что когда она улыбалась, показывая бѣлые, ровные, влажные зубы, то становилось весело и хотѣлось поцѣлuya, какъ хочется пить, при видѣ чистой студеной воды въ лѣтній жарь.

Любовь Клина Ивановича къ женѣ была чисто тѣлесная, выражавшаяся въ неутолимой животной похоти. Глафира, какъ женщина, была дѣйствительно хороша, а Клима Ивановичъ, несмотря на свое желѣзное здоровье и бычью силу, до самой женитьбы жилъ почти что дѣвственникомъ.

Соборный протоіерей, къ приходу котораго принадлежалъ дворъ Дикого, такъ и объяснялъ эту женитьбу:

— Не иначе, какъ черезъ непомѣрное воздержание все сіе и произошло!

Конечно, огромный, грузный Клима Ивановичъ, всегда ходившій въ просторномъ замасленномъ пиджакѣ, съ оттянутыми карманами, не могъ понравиться бойкой и кокетливой Глафирѣ, на которую заглядывались даже чиновники и мѣстные офицеры. Но женихъ онъ былъ выгодный, а потому предложеніе его было принято съ радостью. Сама Глафира попыталась-было артачиться, но отецъ крѣпко избилъ ее, и она покорилась.

Свадьбу справили въ томъ городѣ, гдѣ жили родители невѣсты. На торжество пріѣхала мамаша, для этого случая нарядившаяся въ тяжелое коричневое бархатное платье, съ черной бахромой. Захаръ въ это время былъ боленъ, простудившись на охотѣ, а Петеньку не взяли, чтобы не срамиться передъ чужими людьми.

А между тѣмъ, идиоту страшно хотѣлось по-пасть на свадьбу, гдѣ, какъ ему почему-то казалось, непременно должны были стрѣлять изъ пушки. Когда ему объявили, что онъ остается дома, Петенька ревѣлъ такъ, что катался по полу, и послѣ того еще больше возненавидѣлъ брата Кліма, считая его единственнымъ виновникомъ своей обиды.

Свадьба была богатая, съ большимъ паникадилломъ, съ пѣвчими, музыкой и русскимъ шампанскимъ. Глафира была въ бѣломъ атласномъ платьѣ, съ фатой, а Климъ Ивановичъ въ новомъ черномъ сюртукѣ и бѣломъ галстукѣ.

Весь домъ стараго барышника былъ ярко освѣщенъ, и музыка гремѣла, не переставая. Въ окнахъ мелькали танцующія пары, а на улицѣ, подъ окнами, стояла толпа зѣвакъ, громко судившихъ и жениха, и невѣсту, и родителей, и гостей.

Глафира танцевала до упаду, была неестественно оживлена, хохотала и жеманилась и только время отъ времени пугливо поглядывала на своего будущаго супруга. Она и представить себѣ не могла, что этотъ черный, страшный человѣкъ станетъ ея мужемъ, и старалась не думать объ этомъ. Но чѣмъ ближе подходилъ моментъ, когда молодыхъ должны были отвести въ спальню, тѣмъ больше охватывалъ ее ужасъ и физическая тоска, отъ которой холодѣли руки и слабѣли колѣна.

Брачная ночь оставила у Глафиры впечатлѣніе какого-то безобразнаго кошмара, въ которомъ не было ничего, кромѣ стыда, боли и отвращенія. Но тѣмъ не менѣе, когда на другой день, согласно обычаю, молодые ѣздили по городу, Глафира казалась спокойной и счастливой,

улыбаясь и кланяясь уже не съ прежней дѣвической бойкостью, а плавно и величаво, какъ подбавляетъ богатой замужней женщиной, купчихой второй гильдіи.

Пьянство продолжалось три дня, а потомъ молодые уѣхали домой. Старый барышникъ, хотя обыкновенно называлъ дочь не иначе, какъ здоровой кобылой, при разставаніи все-таки прослезился, а мать Глафиры — маленькая, навѣки запуганная старушка — проводила ее, словно на кладбище.

И, быть можетъ, старушка была близка къ истинѣ: достаточно было взглянуть на суровое, тяжелое лицо Клима Ивановича или на иконописный ликъ его мамы, чтобы предсказать молодой женщинѣ жизнь скучную и нерадостную.

Въ городѣ, гдѣ жили Дикіе, Глафира, съ мужемъ и мамашею, вѣхали по Кладбищенской улицѣ, и какъ разъ въ это время кого-то хоронили, при чемъ колокола перезванивали такъ, точно захлебывались отъ невыплаканныхъ слезъ.

Впрочемъ, по мѣстнымъ повѣрьямъ, встрѣтить покойника было къ удачѣ, а потому похороны не произвели на Глафиру никакого впечатлѣнія. Гораздо болѣе удручающимъ образомъ подѣйствовало на нее видъ пустынной Сѣнной площади и всего этого захолустнаго городишки, лишеннаго зелени, пыльнаго и грязнаго, насквозь пропитаннаго душнымъ базарнымъ запахомъ соленой рыбы, дегтя, кожи, масла и керосина.

А когда она увидѣла Петеньку и услышала его мычаніе, Глафира такъ испугалась, что у нея въ груди захолонуло.

Захаръ, вышедшій навстрѣчу, должно быть, догадался, какое впечатлѣніе произвелъ на невѣстку ихъ домъ, потому что былъ съ нею подчеркнуто ласковъ, и послѣ первыхъ же привѣтствій, сказалъ ободряющимъ тономъ:

— Вы, сестрица дорогая, не смущайтесь! И у насъ не безъ радости люди живутъ!

III.

Но жили они, дѣйствительно, безъ всякой радости.

— Не хуже людей живемъ! — съ гордостью говорила мамаша Анна Петровна и была совершенно права, ибо такъ же жили всѣ обыватели этого городка.

Городъ былъ уѣздный, отстоявшій отъ губернскаго на полтораста, а отъ ближайшей станціи желѣзной дороги на тридцать верстъ. Жили въ немъ чиновники, купцы и мѣщане, квартировали драгунскій полкъ. Были мужская и женская прогимназіи, уѣздное училище, разныя присутственные мѣста, отдѣленіе Волжско-Камскаго банка, паровая мельница купцовъ Виноградовыхъ, тюрьма и десять каменныхъ церквей, въ томъ числѣ — большой соборъ, въ которомъ находилась чтимая икона чудотворной Божьей матери.

Въ центрѣ города, на базарной площади, стояли торговые ряды — длинные, низкіе корпуса, крытые желѣзной зеленой крышей и раздѣленные на множество темныхъ и глубокихъ, какъ пещеры, лавокъ, гдѣ торговали ситцами, кожей, керосиномъ, конской сбруей, гвоздями, косами,

порохомъ и дробью, аграмантомъ, пуговицами и прочимъ галантерейнымъ товаромъ. Тутъ же, посреди площади, возвышалось странное зданіе, состоявшее изъ одной громадной крыши на деревянныхъ столбахъ. Зданіе это носило особое названіе, которое не всегда рѣшались вслухъ выговорить церемонныя мѣщанскія дѣвицы: оно называлось «шопой», и подъ нимъ были устроены деревянные ларьки для мелочной торговли.

Быль въ городѣ клубъ, гдѣ имѣлась недурная библіотека; быль бульваръ — мѣсто гулянія для барышень, гимназистовъ и офицеровъ; быль городской садъ съ ротондой и лѣтнимъ буфетомъ. Въ клубѣ устраивались танцевальныя вечера и любительскіе спектакли, но ими интересовалась только зеленая молодежь. Старики предпочитали карты и водку, а книги изъ библіотеки брали только юныя барышни да молодые евреи.

Въ городѣ рождались, женились и умирали. Купцы торговали, чиновники служили, мѣщане занимались разными мелкими ремеслами и барышничествомъ. У всѣхъ, казалось, была своя особливая жизнь, но, въ сущности говоря, всѣ эти люди жили не сами по себѣ, а тѣми селами, деревнями, хуторами, которые были разбросаны вокругъ города, на огромномъ пространствѣ полей, косогоровъ, лѣсовъ и болотъ большого, одиннадцативолостного уѣзда.

Эти села и деревни были населены страннымъ, полудикимъ народомъ, вѣрящимъ въ примѣты, обросшимъ бородами, зиму и лѣто ходившимъ въ теплыхъ шапкахъ, грязнымъ и темнымъ, какъ земля. Народъ этотъ назывался мужиками.

Гдѣ-то въ большихъ городахъ множество людей говорило и писало объ этихъ мужикахъ, предлагая всевозможные пути для ихъ спасенія. Ихъ называли народомъ-богоносцемъ, подозрѣвали въ немъ какую-то свою особую великую и святую правду и звали всѣхъ учиться у него мудрости и правдѣ. Цѣлыя политическіи партіи группировались вокругъ слова «мужикъ» и изъ за этого слова часто возникали крупныя событія, а самоотверженная интеллигентская молодежь шла изъ за этого слова на убійства, каторгу и эшафотъ.

А тѣмъ временемъ, мужики голодали, мерли отъ всевозможныхъ болѣзней, снова, съ неимовѣрной быстротой, плодились, надрываясь, драли сохами глину и песокъ, валили лѣса, осушали болота, пеклись на солнцѣ и мерзли въ снѣгу, а потомъ платили подати.

Попадая въ городъ поодиночкѣ, они были жалки, робки и недовѣрчивы, какъ истые дикари. Униженно кланялись всякому человѣку въ форменной фуражкѣ и часами, безъ шапокъ, простаивали на морозѣ или на солнцепекѣ у присутственныхъ мѣстъ. Въ дни же ярмарокъ стекались въ городъ огромными толпами, съ лошадьми, возами, женами, дѣтьми и собаками, наполняя всѣ улицы скрипомъ колесъ, ржаньемъ лошадей, ревомъ ребятъ, пьяными криками, циничнѣйшей бранью и непристойными пѣснями. Они располагались на площадяхъ, поднимая кверху оглобли возовъ и устраивая надъ ними драные шатры, и тогда было похоже, будто городъ подвергся нашествію дикой орды, времянь Батыя и Чингисъ-Хана.

Для нихъ и ими существовали всѣ обыватели города. Для нихъ были устроены торговые ряды, для нихъ учреждались присутственныя мѣста, для нихъ были выстроены церкви и бѣлая, четырехэтажная тюрьма.

Купцы грабили ихъ, мѣщане надували, попы запугивали ихъ страшными сказками объ адѣ, офицеры и солдаты умиряли ихъ бессмысленные и дикіе бунты, вспыхивавшіе на почвѣ голода, невѣжества и темныхъ слуховъ о какихъ-то золотыхъ грамотахъ о землѣ и волѣ.

Городская молодежь, подрастая, переставала читать книги и шла на смѣну старому поколѣнію грабителей и взяточниковъ. Юныя дѣвушки выходили замужъ за казнокрадовъ, а молодые люди, получивъ соотвѣтствующій дипломъ, надѣвали фуражки съ кокардами и становились чиновниками. Такъ шло изъ поколѣнія въ поколѣніе, и казалось, этому не будетъ конца.

Весь городъ жилъ обманомъ и грабежемъ. Если и попадала въ него живая душа, съ умомъ и чуткой совѣстью, то подъ вліяніемъ всеобщей праздности, корысти и скуки, быстро тупѣла, опускалась и опошлялась. Деньги, ѣда, сонъ, карты, сплетни, ханжество и пьянство составляли обывательское житье, разнообразившееся драками и убійствами. Даже странно было бы подумать, что жизнь можетъ стать иной.

Такъ жили и Дикіе.

На ихъ обширномъ дворѣ вѣчно кого-нибудь обманывали, обсчитывали и обмѣривали. Мужикъ, попавшій на этотъ дворъ, выскакивалъ оттуда потный, растерянный, съ помутнѣвшими глазами и недоумѣлымъ лицомъ.

— Какъ же такъ? — бормоталъ онъ, тупо глядя въ землю и хлопая себя по поламъ. А потомъ шелъ въ кабакъ.

А въ домѣ считали выручку, ѣли, спали и плодили достойныхъ наслѣдниковъ.

Климъ Ивановичъ, какъ угорѣлый, весь въ поту, цѣлый день клялся, ругался и божился. Мамаша, Анна Петровна, не умолкая, пронзительно кричала на прислугу. Захаръ работалъ на маслобойнѣ. Собираясь вмѣстѣ, за чаемъ или ужиномъ, говорили только объ убыткахъ или барышахъ, укоряя другъ друга въ лѣни и мотовствѣ. Развлеченія же состояли изъ праздничнаго ничегонедѣланія, выстаиванія до одури безконечныхъ церковныхъ службъ, бессмысленныхъ сплетенъ, отправленія грубыхъ животныхъ потребностей, да въ тяжеломъ, угарномъ пьянствѣ на именинахъ, свадьбахъ и похоронахъ.

Глафира скоро привыкла къ этой жизни. Со стороны можно было даже подумать, что она совершенно счастлива. По крайней мѣрѣ, невозмутимое спокойствіе было написано на ея красивомъ лицѣ, когда, разряженная, она шла съ мужемъ въ церковь или степенно возсѣдала въ гостинной, угощая гостей конфетами, пряниками, орѣхами и пастилой.

За два года замужества она сильно раздобрѣла, приобрѣла особую плавность движеній и сладкую пѣвучесть рѣчи. Собственно говоря, она стала еще красивѣе, но почему-то уже не хотѣлось поцѣлуя при видѣ ея улыбки.

Мужа своего Глафира по прежнему боялась, но привыкла къ нему и его тяжелымъ, утомитель-

нымъ ласкамъ, подчиняясь безъ отвращенія, лѣнливо и равнодушно, какъ сытая корова.

Климъ Ивановичъ почти не обращалъ на нее вниманія и только по ночамъ приставалъ къ ней со своей грубой, ненасытной похотью. Мамаша невѣстку не взлюбила, изводя ее попреками, особенно съ тѣхъ поръ, какъ старый барышникъ, совершенно раззорившійся, прїѣзжалъ къ зятю просить денегъ. Былъ онъ грязень, сѣдъ, небритъ и явно нетрезвъ, держался униженно и робко. Ему ничего не дали, но Глафиру стали колотъ тѣмъ, что взяли ее изъ нищаго дома.

— У папаши дорогого, небось, этого не видала!.. У милаго папаши въ затрапезныхъ платьяхъ ходила, а тутъ, подумаешь, фря какая!..

Хорошо относился къ Глафирѣ Захаръ, видимо, жалѣвшій ее и часто защищавшій отъ придирокъ мамашы, да идіотъ Петенька привязался къ ней, какъ собака, потому что она была ласкова и красива.

Но Захаръ рѣдко бывалъ дома, пропадая на хуторахъ, на охотѣ или на гулянкахъ, а Петенька только мычалъ, и къ концу второго года замужества Глафира начала тосковать. Сначала эта тоска была безпредметна и выражалась въ безпричинномъ раздраженіи, но при первомъ подходе случаетъ должна была перейти и перешла въ иное чувство.

Началось это съ того времени, когда отскочившимъ отъ шестеренки зубомъ Захару сильно расшибло голову на маслобойнѣ. Рана была небольшая, но почему-то загноилась, и ее нужно было каждый день промывать и перевязывать. За это взялась Глафира.

Захаръ сѣдился на стуль, а молодая женщина, стоя возлѣ, мочила въ блюдечкѣ кусокъ ваты и осторожно отмачивала ранку, волосокъ по волоску отдѣляя присохшую корпю.

Операція была довольно болѣзненна, но Захаръ сидѣлъ терпѣливо, притворялся, что ему совсѣмъ не больно, смѣялся, шутилъ и, желая сдѣлать пріятное, говорилъ:

— Какая у васъ, сестрица, рука легкая!.. Вамъ бы докторомъ быть!

Глафира краснѣла отъ удовольствія и, сдерживая дыханіе, старалась сдѣлать еще лучше.

И однажды нечаянно прижала голову Захара къ своей теплой, мягкой, и упругой груди.

Прикосновеніе было мимолетное и Глафира сейчасъ же инстинктивно отодвинулась, но почему-то оба смутились. Весь вечеръ Глафира была молчалива и разсѣянна, а Захаръ поглядывалъ на молодую женщину такъ, точно только теперь разсмотрѣлъ ее, какъ слѣдуетъ. Едва ли они отдавали себѣ отчетъ въ своихъ чувствахъ, но несомнѣнно, что при этомъ случайномъ прикосновеніи впервые почувствовали другъ въ другѣ — онъ женщину, а она мужчину.

Съ этого вечера Захаръ сталъ какъ-то особенно по мужски посматривать на ея великолѣпныя плечи, высокую грудь, мягкій станъ и свѣжія губы, а Глафира чувствовала къ своему свояку волнующую нѣжность. Ежедневныя перевязки еще больше сближали ихъ, и оба ждали одного и того же: Захару хотѣлось прикосновенія Глафиры, а она едва удерживалась, чтобы не прижать его голову къ своей груди. Почти противъ ихъ воли такъ, въ концѣ концовъ, и случалось;

тогда оба замирали въ странномъ, сладостномъ забытьѣ. Захаръ сидѣлъ, не шевелясь, а Глафира, румяная отъ внутренняго жара, съ полузакрытыми глазами, словно сонная, водила ваткой по ранѣ. Вода текла по волосамъ Захара и стекала за воротъ, но они не замѣчали этого и съ трудомъ, точно просыпаясь, отходили другъ отъ друга.

Черезъ недѣлю ранка зажила, перевязки прекратились, и отношенія какъ будто вошли въ прежнюю колею. Но это только такъ казалось.

Захару и прежде нравилась красивая Глафира, но ему никогда и въ голову не приходило смотрѣть на нее, какъ на женщину. Глафира была женой его родного брата, и блудныя мысли о ней Захаръ почелъ бы великимъ грѣхомъ. То странное волненіе, которое испыталъ онъ во время перевязокъ, Захаръ старался забыть, и какъ будто это ему удавалось. Онъ опять сталъ ухаживать за купеческими дочками, по старому ѣздилъ на охоту и на хуторъ, по прежнему возился на своей маслбойнѣ, которая была построена за нѣсколько кварталовъ отъ дома, на одномъ изъ пустырей Кладбищенской улицы!

Но Глафира, очевидно, пережила нѣчто болѣе глубокое. Съ тѣхъ поръ она стала искать общества Захара, скучала, если его долго не было, и подъ разными предлогами каждый день бѣгала на маслбойню.

Тамъ Захаръ царствовалъ. Онъ трудился, какъ батракъ, пускалъ широкій деревянный кругъ, по которому ходила лошадь, помогалъ работникамъ у рукоятки гидравлическаго пресса и все время шутилъ и смѣялся. Воротъ рубахи у него былъ разстегнуть, рукава засучены до локтей, и Гла-

фѣра незамѣтно, но пристально слѣдила за каждымъ движеніемъ его загорѣлыхъ твердыхъ мускуловъ. При этомъ глаза у нея темнѣли, а румянецъ выступалъ на щекахъ.

— Что, сестрица, помогать пришли? — шутя спрашивалъ Захарь.

Глафѣра краснѣла, смѣялась и уходила, а вечеромъ, когда мужъ приставалъ къ ней, раздражительно отталкивала его.

— Да отстань ты... надоѣлъ! Я спать хочу!..

Съ нею дѣлалось что-то странное, но она не отдавала себѣ отчета въ своемъ чувствѣ, пока не появилась ревность.

Однажды она увидѣла, какъ Захарь, играючи, облапилъ одну изъ дѣвокъ, работавшихъ на маслобойнѣ. Дѣвка была красивая, здоровая и наглая. Она оттолкнула Захара въ грудь и свернула зубами, заманчиво и вызывающе.

— У, гладкая! — сказалъ Захарь, прищурившись.

Дѣвка захохотала, а Глафѣра ничего не сказала, ушла и потомъ цѣлый день не отвѣчала Захару на его шутки.

Съ этого времени она уже знала, что любить Захара, и стала бѣшено ревновать его ко всѣмъ женщинамъ. Когда Захарь уходилъ въ гости, гдѣ должны были быть дѣвицы, Глафѣра не находила себѣ мѣста, а при мысли о томъ, что онъ можетъ жениться, у нея мутилось въ головѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ у нея явилось настойчивое желаніе показать Захару, что она красивѣе и лучше всѣхъ его знакомыхъ барышень. Глафѣра нарочно распускала при немъ свои густые, длинные волосы, похожіе на черную волну; старалась попадаться ему на глаза полуодѣтой, и ей безумно

хотѣлось, чтобы Захаръ увидаль ее совсѣмъ нагой. При этой мысли лицо у нея горѣло, и сердце замирало отъ стыда, но все ея располнѣвшее тѣло начинало томиться смутнымъ желаніемъ, а полныя ноги охватывала ноющая, сладкая слабость.

Ни за что на свѣтѣ она не выдала бы кому-нибудь своихъ чувствъ, потому что считала ихъ грѣховными. Когда же влеченіе къ Захару становилось особенно мучительнымъ, Глафира старалась потушить его въ ласкахъ мужа. Но послѣ испытывала только усталость, досаду и чисто физическое отвращеніе къ Климѣ Ивановичу.

IV.

Однажды ночью случился большой пожаръ черезъ три двора отъ Дикихъ. Загорѣлись амбары съ пенькой у купца Солодовникова.

Черное страшное небо освѣтилось краснымъ дрожащимъ заревомъ, и сосѣдняя колокольня сверху до низу была облита розовымъ свѣтомъ. Надъ пожаромъ высоко летали розовые голуби и беспомощно кувыркались въ багровомъ дыму, тяжелыми клубами медленно всползающимъ къ небу. По всѣмъ церквамъ звонили въ набать, четко и тревожно выбивая дребезжащіе звуки. Со двора Дикихъ было слышно, какъ гремѣла пожарная команда, какъ рѣзко лопотала лопнувшая кишка, лаяли собаки, и крикомъ кричали десятки встревоженныхъ голосовъ. Иногда раздавался оглушительный трескъ провалившихся стропиль и тогда огненный столбъ, испуская милліоны

искръ, страшно и весело подымался въ черное небо. Во дворѣ было свѣтло, какъ днемъ, и въ саду, то и дѣло, тихо кружась, падали хлопья горѣвшей пеньки. Всѣ работники и самъ Климъ Ивановичъ съ ведрами воды стояли на крышахъ амбаровъ, заливая падавшія головни, а на крыльцѣ дома неподвижно возвышалась высокая фигура мамы, вся черная, съ розово освѣщеннымъ блѣднымъ лицомъ и съ черной иконой въ сухихъ костлявыхъ рукахъ.

Было то жуткое и веселое настроеніе, которое всегда охватываетъ людей во время ночныхъ пожаровъ. Казалось, что происходитъ нѣчто необыкновенное, отчего все сразу измѣнилось кругомъ и по новому стало значительнымъ и красивымъ.

Глафира уже спала, когда на дворѣ стали кричать:

— Пожаръ!.. Горимъ!..

Она накинула на плечи большой платокъ и выскочила на крыльцо.

Ночь была душная, теплая а отъ близости пожара стало совсѣмъ жарко. Глафира стояла въ дверяхъ, позади мамы, и тревожно вслушивалась въ гулъ огня и крики. Колокола все звонили, то близко, то далеко, и казалось, что пожаръ усиливается. Съ крыльца, на красномъ фонѣ пожара, отчетливо были видны черные силуэты Климъ Ивановича и рабочихъ, что-то показывавшихъ другъ другу и поминутно наклонявшихся, чтобы залить падавшія искры. По ту сторону крыши было ярко и свѣтло, а поэтому казалось особенно черно и страшно подъ амбарами, гдѣ во мракѣ рвалась и гремяла цѣпью собака.

Глафира стояла, кутая свои голыя плечи въ платокъ, и при свѣтѣ пожара казалась особенно красивой, тоже какъ-то по новому.

Захарь, успѣвшій сбѣгать на пожарь, закопченный, пропитанный дымомъ, но веселый, прибѣжалъ домой посмотреть, все ли благополучно. Онъ увидалъ Глафиру и удивился ей.

— Ну, ну... — закричалъ онъ весело, — вотъ, полыхаетъ!.. Испугались, сестрица?

Глафира ничего не отвѣтила и продолжала пристально смотрѣть на огонь, маленькими блестящими искорками отражавшійся въ ея черныхъ глазахъ.

Захарь поднялся на крыльцо посмотреть пожарь и сталъ рядомъ съ Глафирой.

— Что, испугались? — повторилъ онъ.

Глафира молча повела глазами и снизу вверхъ глянула ему прямо въ лицо. Было въ этомъ молчаливомъ и долгомъ взорѣ что-то такое, отчего Захарь смутился.

— Что вы на меня такъ... — сказалъ онъ дрогнувшимъ голосомъ, но Глафира неожиданно повернулась и медленно ушла въ темноту корридора.

Захарь остался на крыльцѣ и вдругъ забылъ и о пожарѣ, и о матери, и обо всемъ на свѣтѣ. Внезапная сумасшедшая мысль ударила ему въ голову и вихремъ завертѣла всѣ чувства. То, что прежде казалось ему такимъ ужаснымъ, вдругъ представилось близкимъ и возможнымъ. Слишкомъ все это — ночь, пожарь, трескъ огня, набатъ, мракъ и свѣтъ и странное новое лицо Глафиры — было необыкновенно. Въ такую ночь все было возможно и ничего не страшно.

Онъ еще колебался, когда мамаша сказала строго и наставительно.

— Нечего глазѣть! Не праздникъ!.. Лучше бы лампадку зажгли. Глаша, Глашенька!..

Глафира не отвѣчала. Она стояла въ темнотѣ корридора, откуда было видно крыльцо и освѣщенная пожаромъ высокая фигура Захара, слышала зовъ свекрови и не могла отозваться, вся охваченная какой-то странной слабостью! Съ нею дѣлалось странное: чего она ждала тутъ, Глафира и сама не знала; но если бы въ эту минуту Захаръ позвалъ ее, она пошла бы на все, очертя голову, безъ стыда и страха. И если бы кто-нибудь вздумалъ удерживать ее, Глафира, можетъ быть, убила бы, но все-таки пошла.

— Глаша! снова позвала мамаша. — Да что она тамъ... оглохла, что ли? Захарушка, поди, скажи ей, чтобы лампадку зажгла.

Захаръ покорно двинулся и шагнулъ въ темноту. Ноги у него нѣмѣли. Онъ не зналъ, гдѣ Глафира, но какъ только погрузился въ спертый, душный мракъ дома, такъ сѣчасъ же и почувствовалъ, что она гдѣ-то близко и ждетъ его.

Глафира стояла на дорогѣ и изъ темноты, на освѣщенномъ фонѣ двери, видѣла, что Захаръ идетъ прямо на нее. Но она не двинулась съ мѣста, и не успѣлъ онъ сдѣлать пяти шаговъ, какъ наткнулся на нее всѣмъ тѣломъ. Онъ прекрасно зналъ, что это Глафира, но почему-то, все-таки, вскрикнулъ негромко и фальшиво:

— Кто это?

Глафира молчала и не шевелилась. Захаръ протянулъ руку и въ темнотѣ коснулся чего-то теплаго, гладкаго и нѣжнаго. Съ закружившейся

головой, ничего не соображая, онъ хотѣлъ обнять ее, но Глафира скользнула въ темноту и исчезла. Только ея жаркое дыханіе сухимъ огнемъ обдало его шею и часть щеки. Захаръ не могъ бы сказать, поцѣловала ли она его или нѣтъ. Съ минуту онъ стоялъ, не шевелясь, потомъ повернулся и медленно вышелъ на крыльцо. Ноги у него дрожали, лобъ былъ мокрый.

На крыльцѣ онъ столкнулся съ Климомъ Ивановичемъ, который грузно подымался на ступеньки и сердито говорилъ:

— Не иначе подождгли!.. Вѣдь, это такой народъ!..

На дворѣ было уже гораздо темнѣе. Звонить перестали, и розовая колокольня посѣрѣла. За черными амбарами все еще гудѣла толпа, и слышался трескъ огня, но искры уже не сыпались, и работникамъ на крышѣ нечего было дѣлать. Одинъ за другимъ они стали спускаться, тяжело прыгая въ темноту и весело перекликаясь.

Климъ Ивановичъ увидѣлъ Захара и сказалъ не безъ злорадства:

— Большой убытокъ Иванычу!.. Который товаръ и уцѣлѣлъ, ясно, перепортили!..

Захаръ промолчалъ. Видъ брата и его голосъ вызвали въ немъ тяжелый и трусливый стыдъ. Онъ вдругъ опомнился и съ ужасомъ понялъ, что хотѣлъ сдѣлать. Это чувство было такъ остро, что Захаръ даже поблѣднѣлъ, быстро сошелъ съ крыльца и отошелъ подальше отъ дому, въ пустоту темнаго широкаго двора.

— Вотъ оно что!.. Вотъ оно что!.. — вертѣлось у него въ головѣ, а въ концахъ пальцевъ, распространяясь по всему тѣлу, все еще было

ощущеніе чего-то теплаго, нѣжнаго и скользкаго.

Издали онъ услышалъ голосъ Кліма Ивановича, кликавшаго Глафиру, и вдругъ почувствовалъ такую ненависть къ брату, что у него въ груди задрожало.

Пожаръ совсѣмъ опалъ, и вокругъ стало темно, какъ въ лѣсу. Только стекла галлерей еще отсвѣчивали краснымъ. Въ окнахъ дома появился неясный свѣтъ: должно быть, зажгли лампадки. Захаръ стоялъ подь темнымъ амбаромъ, смотрѣлъ на домъ и не зналъ, что ему дѣлать.

Теперь онъ уже прекрасно сознавалъ, что чуть было не совершилъ тяжкаго и непоправимаго преступленія, но вопреки этому сознанію, невыносимое тѣлесное желаніе томило его такъ, что, казалось, невозможно выдержать эту пытку.

Почему-то ему казалось, что теперь уже все равно, и что рано или поздно, но это будетъ. вмѣстѣ съ жгучимъ стыдомъ росло такое физическое нетерпѣніе, что оно переходило въ непопятную злобу противъ Глафиры.

Захаръ до утра ходилъ по двору, выходилъ даже на площадь, при слабомъ отблескѣ разсвѣта казавшуюся особенно пустой и громадной. Онъ долго, безъ шапки, стоялъ на валу, глядя въ постепенно свѣтлѣющее небо и на бѣлые мѣщанскіе домики, медленно выступавшіе изъ мрака.

Спать онъ легъ только тогда, когда за черными силуэтами крышъ и колоколенъ развернулась широкая, свѣтлая полоса зари, а по Кладбищенской улицѣ потянулись бабы, съ кувшинами и корзинами, на базаръ.

Но и Глафира не спала. Она лежала возлѣ мужа, храпѣвшаго и часто ворочавшагося во снѣ, и широко раскрытыми напряженными глазами смотрѣла въ темноту. Огромное, потное и липкое тѣло мужа пахло нечистымъ бѣльемъ и давило ее. Глафирѣ было жарко, она жалась къ холодной, твердой стѣнѣ и старалась не прикасаться къ мужу. Лицо Захара неотступно стояло передъ нею, а на плечахъ и груди Глафира чувствовала прикосновеніе его рукъ. При этомъ воспоминаніи, какъ она нарочно раскрыла платокъ навстрѣчу его рукамъ, Глафира закрывала глаза отъ стыда, но въ то же время ей хотѣлось безконечно продлить это воспоминаніе. Все тѣло ея томилось и горѣло, безстыдно и томно раскидываясь въ жаркой кровати, въ грѣховномъ сладкомъ представленіи. Но тутъ она вдругъ вспоминала, какой страшный грѣхъ думать объ этомъ, и вся съеживалась, даже колѣна сжимала.

И такъ же, какъ для Захара, для нея почему-то было ясно, что это неизбежно, и бороться уже совершенно бесполезно.

V.

На другой день Климъ Ивановичъ, противъ обыкновенія, никуда не поѣхалъ и остался дома, провѣряя счета. Когда Глафира увидѣла это, она даже какъ будто растерялась. Растерялась и только тогда поймала себя на какой-то тайной мысли.

— Господи, что же это я! — съ отчаяніемъ подумала она.

На дворѣ стояла іюльская жара, и крыши домовъ нестерпимо блестяли подъ солнцемъ, а небо было густо-сине и мутно. Куры, нахохлившись, сидѣли въ тѣни подъ заборами. Цѣпная собака, вываливъ длинный, красный и мокрый языкъ, съ котораго капала слюна, тяжело дышала возлѣ своей будки. И даже пыльный бурьянъ поникъ и замеръ отъ страшнаго жара. Сѣнная площадь какъ будто вымерла и вся курилась зыбкимъ маревоу, а бѣлые домики на противоположной сторонѣ казались раскаленными добѣла, такъ что на нихъ было больно смотрѣть.

Климъ Ивановичъ сидѣлъ, потный и красный, въ одной жилеткѣ, и щелкалъ на счетахъ, едва захватывая костяшки толстыми мокрыми пальцами. Мамаши не было слышно, и во всемъ домѣ царила мертвая тишина, нарушаемая только неистовымъ жужжаніемъ мириадовъ черныхъ, липкихъ мухъ.

Захаръ съ утра не выходилъ изъ своей комнаты, гдѣ окна выходили на галлерею и было значительно прохладнѣе. Глафиру онъ не видалъ и не зналъ, гдѣ она, но невидимая связь не обрывалась между ними. Захаръ пытался работать, но думалъ только о Глафирѣ, всѣмъ существомъ своимъ мучительно ощущая ея присутствіе въ домѣ.

Былъ онъ у себя, въ привычной, обыденной обстановкѣ, а чувство у Захара было такое, точно онъ притаился, какъ воръ, и всѣ въ домѣ знаютъ, о чемъ онъ думаетъ, чего хочетъ и чего ждетъ.

То, что Климъ Ивановичъ былъ дома, а слѣдовательно Глафира ни въ коемъ случаѣ не могла бы къ нему придти, и радовало Захара и приводило его въ отчаяніе.

А Глафира томилась, словно въ лихорадкѣ. Она, какъ потерянная, бродила по дому, изъ спальни въ кухню, изъ кухни на крыльцо; съ тоской смотрѣла на синее пыльное небо и застывшій широкой дворъ, пыталась заниматься хозяйствомъ, заговаривала съ кухаркой, но въ головѣ у нея все время стояла одна и та же мысль: о Захарѣ и о томъ, что онъ ее ждетъ.

Почему она должна идти къ Захару, Глафира и сама не знала, но это было сильнѣе ея, неотвратимо, какъ судьба.

Безсознательно борясь, Глафира выдумывала себѣ дѣло за дѣломъ, но все валилось изъ рукъ. Тогда, уже въ полномъ отчаяніи, она пошла къ мамашѣ и стала проситься въ городъ, купить нитокъ.

— Подожди, послѣ обѣда вмѣстѣ пойдемъ! — сказала мамаша.

И Глафира покорилась судьбѣ. Она вышла въ корридоръ, прислушалась къ стуку костяшекъ въ спальній, подобрала юбку, чтобы не шумѣть, и, какъ мышъ, скользнула въ комнату Захара.

Проходя мимо спальній, она видѣла спину мужа и даже ей показалось, будто Климмъ Ивановичъ оглянулся, но это не удержало ее.

Захаръ сидѣлъ у стола, не всталъ и ничего не сказалъ, когда увидѣлъ Глафиру. Только лицо у него покраснѣло. На мгновеніе еще Глафира задержалась въ дверяхъ, ухватившись за косякъ и чутко прислушиваясь назадъ, черезъ плечо. Потомъ оторвалась отъ двери, медленно, какъ бы черезъ силу, подошла къ Захару и стала, опустивъ голову и руки. Она стояла бокомъ къ нему, не глядя, и только когда Захаръ взялъ ее

за руку, быстро и жалобно взглянула на него. По лицу у нея бродила растерянная, беспомощная улыбка, щеки розовѣли, а грудь дышала тяжело. Захаръ, не вставая, обнялъ ее за талию и притянулъ къ себѣ. Глафира покорно поддавалась, и сквозь матерію платья онъ почувствовалъ холодъ ея гѣла. Такъ они сидѣли долго, точно не зная, что дѣлать дальше. Потомъ Захаръ повернулъ ее, посадилъ на колѣна и сталъ цѣловать въ губы, шею и грудь. Кожа у нея была слегка влажна отъ пота, а губы мягки и слабы, такъ что сквозь нихъ чувствовались твердые, холодные зубы. Она не отвѣчала на поцѣлуи, а только открывала и закрывала глаза, порывисто дыша. Бѣшеное, жестокое желаніе охватило Захара. Онъ забылъ о томъ, что въ сосѣдней комнатѣ сидитъ Климъ Ивановичъ, а мимо двери можетъ каждую минуту пройти кто-нибудь. Ему уже было все равно, да врядъ ли онъ и соображалъ что-нибудь. Глафира не сопротивлялась, когда Захаръ грубо толкнулъ ее на постель, и отдалась ему молча, безвольно, какъ жертва. Только когда все кончилось; она открыла странно косящіе черные глаза, посмотрѣла на Захара счастливымъ безумнымъ взглядомъ, тихо ахнула и изо всей силы охватила его шею руками.

VI.

Казалось, въ домѣ Дикихъ все осталось по прежнему. Такъ же хозяйничалъ Климъ Ивановичъ, такъ же зажигала лампадки и поѣдомъ ѣла прислугу мамаша Анна Петровна, такъ же

бѣгалъ за дѣвками идиотъ Петенька, такъ же работали, жрали, спали, бранились и копили деньги.

Но посреди этой обычной, казалось, навѣки нерушимо налаженной жизни, у Глафиры и Захара теперь была своя особливая, полная страха и наслажденій, тайная жизнь.

Послѣ того какъ Глафира отдалась ему, Захара охватила тяжелая, почти звѣрская страсть къ женѣ брата. Онъ не могъ равнодушно видѣть ее, и ея движенія, губы, шея, ноги, вырисовывавшіяся подъ юбкой, возбуждали его до мученія и мучительства. Цѣлый день онъ думалъ только о томъ, какъ бы остаться съ нею, и былъ, какъ шальной. Сознаніе совершаемаго тяжкаго грѣха затуманилось, и если Захаръ иногда, въ самый разгаръ ласкъ, вспоминалъ, что Глафира — жена брата, то это лишь еще больше возбуждало его.

Глафира тоже ходила, какъ пьяная. Она вдругъ познала всю сладость страсти и отдалась ей вся, душой и тѣломъ. Она разительнo похорошѣла и расцвѣла, стала какой-то особенной — яркой и грѣшной. Глаза у нея постоянно блестѣли, щеки пылали, губы были красны, какъ кровь. Подобно Захару, Глафира всегда была охвачена однимъ и тѣмъ же и при малѣйшей возможности бѣжала къ любовнику. Они сходились, гдѣ попало: въ чуланахъ, за амбарами, на огородахъ, отдаваясь другъ другу грубо и торопливо, чуть ли не на глазахъ у рабочихъ, мамыши и самаго Клима Ивановича. Нѣсколько разъ только счастливая случайность спасала ихъ, и у Глафиры всегда сердце замирало отъ страха. Но постоянная

опасность и вѣчная неудовлетворенность только разжигали ихъ. Говорили межъ собой они мало, и связь ихъ была чисто чувственной.

Глафира по прежнему оставалась женой Клима Ивановича, и ей даже въ голову не приходило, что можетъ быть иначе. Свои супружескія обязанности она исполняла со скукой и досадой, но никогда не сопротивлялась, и Климъ Ивановичъ ничего не замѣчалъ. Что же касается Захара, то онъ какъ-то не думалъ объ этомъ. Глафира была законной супругой Клима Ивановича, и то, что она спитъ съ мужемъ, казалось Захару совершенно естественнымъ. Ревность пробудилась въ немъ какъ-то случайно, по одному взгляду Глафиры.

На Преображеніе Климъ Ивановичъ угощалъ обѣдомъ крупнаго покупателя. По случаю праздника всѣ были разодѣты, и на Глафирѣ было зеленое шелковое платье, очень шедшее къ ея чернымъ глазамъ и волосамъ. Обѣдъ прошелъ чинно и даже торжественно, во взаимныхъ любезностяхъ и приличныхъ разговорахъ. Выпили три бутылки водки и бутылки двѣ краснаго церковнаго вина. Климъ Ивановичъ и гость, сухой, бритый старикъ, въ долгополомъ черномъ сюртукѣ, были красны и подъ конецъ впали въ игривое настроеніе. Старику понравилась красивая Глафира. Онъ смотрѣлъ на нее маленькими масляными глазками, подмигивалъ Климу Ивановичу и говорилъ:

— Н-да... стало быть, можешь еще заниматься?!..

Глафира вспыхивала и церемонно опускала глаза, а мамаша съ притворной ворчливостью останавливала гостя:

— Будеть вамъ ее конфузить-то! Тоже, грѣх-проводникъ старый!..

Старикъ смѣялся, скаля единственный черный гнилой зубъ, и возражалъ:

— Мамашенька, полно вамъ тѣнь наводить!.. И мы съ вами, въ свое время, сладенькое любили!..

Послѣ обѣда всѣ вышли на крыльцо, провожать гостя. Климы Ивановичъ и Захаръ изъ почтенія проводили его до экипажа, а Глафира и мамаша стояли рядомъ на крыльцѣ, сложивъ руки на талии, подъ шелковыми шальями.

Послѣ взаимныхъ пожеланій, старикъ взгромоздился на свои куцыя бѣговыя дрожки, собралъ возжи, посмотрѣлъ на Глафиру и, еще разъ подмигнувъ Климу Ивановичу, сказалъ:

— Хороша Маша, да не наша!..

Засмѣялся и тронулъ свою сытую, чисто купеческую лошадь.

— Счастливо оставаться!

Босоногій парень-работникъ ловко, на ходу, вскочилъ позади старика, и бѣговыя дрожки, подпрыгивая, завернули въ широко раскрытыя ворота. Старикъ сидѣлъ прямо, крѣпко нахлобучивъ на голову тяжелый ватный картузь, и по его костлявой строгой спинѣ уже нельзя было догадаться, что онъ только что шутилъ и смѣялся. Сзади тряся, поджавъ босыя ноги и ухватившись обѣими руками за сидѣнье, работникъ.

Проводивъ гостя, вернулись въ домъ.

— Ну, въ часъ добрый! — сказала мамаша, подразумѣвая совершенную со старикомъ сдѣлку.

Но у Клима Ивановича были другія мысли. Проходя мимо жены, красный и видимо возбужденный шутками старика, онъ игриво

ткнулъ перстомъ Глафиру въ грудь и тоже подмигнулъ ей.

— А, ну тебя! — сказала Глафира съ досадой и, шумя платьемъ, пошла въ комнаты.

— Осерчала! — пошутилъ Климъ Ивановичъ и сказалъ брату, съ невольной гордостью: а хороша у меня жена, а?

Захаръ невольно смигнулъ и промолчалъ. Онъ какъ разъ думалъ о томъ, что захмѣлѣвшій братъ навѣрное завалится спать, а мамаша тоже приляжетъ отдохнуть, и тогда можно будетъ увидѣться съ Глафирой. Слова брата смутили его, какъ намекъ.

Ожиданія Захара не оправдались: Климъ Ивановичъ рѣшительно разгулялся, и когда мамаша съ Глафирой убирала въ шкафъ вино и закуски, а Захаръ сидѣлъ у окна и смотрѣлъ на площадь, весь дрожа отъ нетерпѣнія, мужъ изъ спальни громко позвалъ Глафиру:

— Глашенька!..

По особенному, весело-лукавому тону его голоса и Глафира и Захаръ вдругъ сразу поняли, зачѣмъ онъ ее зоветъ. И вотъ тутъ-то Глафира быстро и странно взглянула на Захара. Въ этомъ мимолетномъ взглядѣ были и досада, и разочарованіе и невольный женскій стыдъ, и отъ этого взгляда вся кровь вдругъ прилила къ головѣ Захара.

— Глаша! — вторично крикнулъ Климъ Ивановичъ.

Глафира поставила тарелку, которую держала въ рукахъ, и покорно пошла на зовъ. Она прошла мимо Захара, задѣвъ его платьемъ, но не глядя, и скрылась въ спальнѣ.

Мамаша ушла отдыхать, и въ домѣ сразу стало тихо и пусто. Захаръ одинъ сидѣлъ у себя въ комнатѣ, тщетно ждалъ Глафиру и зналъ, что она уже не придетъ. Обманутое ожиданіе вызывало острую физическую злость, а въ душѣ у него горѣло новое чувство. Впервые Захаръ ясно представилъ себѣ, что Глафира принадлежит не ему одному. Казалось, онъ сквозь стѣны видитъ, что происходитъ въ спальнѣ, и распаленное воображеніе рисовало ему грубыя циническія картины. Вся кровь у него кипѣла, а въ груди была такая тяжесть, что дышать становилось трудно.

Захаръ пытался утѣшиться тѣмъ, что Глафира не виновата, что она жена брата и должна исполнять законъ. Но отъ этого не становилось легче, и казалось, что не въ законѣ дѣло, а въ томъ, что ей и самой пріятны ласки мужа.

Это было такъ ужасно, что отъ злобы и отчаянія Захаръ не зналъ, что дѣлать. Ему хотѣлось закричать, ворваться въ спальную, стащить Глафиру за волосы съ кровати, опозорить при всѣхъ, а то и убить.

Но онъ не смѣлъ этого сдѣлать и мучился невыносимо.

Вечеромъ пили чай на галлерей. Солнце, багровое отъ пыли, медленно опускалось за крышу амбара и все еще жгло, а стекла галлерей казались расплавленными. Было невыносимо душно и жарко. Глафира, красная, потная, съ прилипшими ко лбу волосками, разливала чай. Мамаша, сложивъ тонкія губы дудочкой и сдѣлавъ оловянные глаза, усердно дула на брюдечко. Климъ Ивановичъ, весь мокрый и распаренный, еще не пришедшій въ себя отъ тяжелаго сна, пилъ ста-

канъ за стаканомъ. Всѣ молчали и только тяжело отдувались, отирая градомъ катившійся потъ.

Захаръ острыми ненавидящими глазами незамѣтно присматривался къ Глафирѣ, и она казалась ему покойной, довольной и счастливой. Онъ ненавидѣлъ ее, ненавидѣлъ брата, и ему хотѣлось убить уже ихъ обоихъ.

Должно быть, Глафира чувствовала его настроеніе, потому что руки у нея замѣтно дрожали, и она старалась не смотрѣть на Захара.

Когда кончили чай, солнце сѣло, и только багровая раскаленная пыль стояла надъ крышей амбара. Мягкая тѣнь покрыла дворъ и садъ, и откуда-то, чуть слышно, повѣяло живительной прохладой. Мамаша пошла по хозяйству, а Климъ Ивановичъ вышелъ на крылечко, гдѣ и присѣлъ освѣжиться, разстегнувъ жилетку и бессмысленно глядя передъ собою.

Захаръ еще допивалъ стаканъ, когда Глафира стала мыть и убирать посуду. Потянувшись черезъ столъ за блюдечкомъ, она какъ будто нечаянно, робко и нѣжно коснулась руки Захара. Захаръ дрогнулъ, взглянулъ на нее, увидѣлъ черные, немного косящіе глаза, смотрѣвшіе съ выраженіемъ виноватости и мольбы, вдругъ вспомнилъ все пережитое и грубо отдернулъ руку.

Глафира хотѣла что-то сказать, но Захаръ всталъ и вышелъ на крыльцо. Глафира проводила его печальными испуганными глазами и уронила блюдечко.

— Ну, ты... тамъ! — сердито крикнулъ Климъ Ивановичъ.

Глафира вздрогнула и неслышно, какъ мышь, стала собирать осколки.

Захаръ сидѣлъ на крыльцѣ, крутилъ папиросу и смотрѣлъ въ землю, а Климъ Ивановичъ принялся разсуждать объ уѣхавшемъ гостѣ. Захаръ ничего не понималъ и всѣмъ своимъ существомъ прислушивался къ шагамъ и стуку посуды на галлереѣ. Онъ прекрасно зналъ, что грубо и жестоко обидѣлъ Глафиру, но это только доставляло ему болѣзненное, злорадное удовольствіе.

— Такъ ей и надо! — думалъ онъ.

Глафира долго возилась на галлереѣ, издали поглядывая на Захара и ожидая отвѣтнаго взгляда, но Захаръ упорно смотрѣлъ въ сторону и притворялся, что даже не помнитъ о ней. Раза два она уходила въ домъ и возвращалась; наконецъ, собрала посуду и ушла совсѣмъ. На галлереѣ стало тихо, и тоска вдругъ кольнула въ сердце Захара. Ему стало жаль Глафиру и чего-то онъ малодушно испугался.

А Климъ Ивановичъ, ничего не замѣчая, опершись на разставленныя руки и навалившись впередъ толстымъ животомъ, медлительно и съ удовольствіемъ разсуждалъ:

— Правильный старикъ!.. Шутка сказать, полмиліона капитала, а работаетъ, какъ послѣдній батракъ. Вѣдь, восемьдесятъ лѣтъ ему и съ хвостикомъ... вѣкъ не малый! Былъ я у него въ домѣ: муха не пролетитъ!.. Сыновья сами сѣдые, а при папашѣ сѣсть не смѣютъ. Суровый старикъ! Дочерей замужъ поывдавалъ за первыхъ богачей... самъ губернаторъ его уважаетъ... А почему? Потому что всю жизнь своей линіи твердо держался. Я, говорить, купецъ, и мнѣ всякія тамъ мечтанія ни къ чему! Мое дѣло капиталъ

нажить и дѣтямъ въ цѣлости предоставить... въ родъ, значить. Однако же, много онъ денегъ на бабъ перевелъ! Онъ вдовый, а крѣпкій старикъ! Любитъ бабу!.. Ну, да и то сказать: поработалъ достаточно, можно и удовольствіе себѣ доставить!..

Захаръ вздрогнулъ: на дворѣ мелькнула Глафира въ бѣломъ платочкѣ и скрылась за угломъ дома. Стукнула калитка на улицу.

— Для чего каждый человѣкъ живетъ? — Философствовалъ Климычъ Ивановичъ, вспоминая разговоръ, бывшій за обѣдомъ: — каждому свое удовольствіе желательно имѣть, и у всякаго своя судьба... Залѣзь наверхъ, ну, и правъ, а ослабъ—твое горе!.. Вотъ, теперь говорятъ про свободы тамъ и прочее равенство, а по моему чепуха это все!.. Ежели ты живешь по закону и свое дѣло имѣешь, никто тебя трогать никакого права не имѣетъ. Онъ — рабочій, я — купецъ, ты, скажемъ, чиновникъ или офицеръ... у всякаго свое мѣсто. Тѣмъ и порядокъ на свѣтѣ держится. Ежели всѣ полѣзутъ на одно, тогда что же? Ходынка!.. Нашъ народъ темный, онъ развѣ соображаетъ? Навалятся всѣ другъ на дружку и другъ друга передушатъ, только и всего!.. Дикій народъ!.. Тоже и то сказать: всѣмъ богатыми не быть, такого капитала и на землѣ нѣтъ, а чтобы всѣ нищими подѣлались, то какая же отъ этого кому польза?..

— Да, это что говорить! — невнимательно поддакнулъ Захаръ, мучительно соображая, куда бы могла пойти Глафира.

— Нѣтъ, ты постой! перебилъ разгорячившійся Климычъ Ивановичъ, — всѣ ѣсть хотятъ, оттого

всѣ и работаютъ, церкви и отечеству на пользу. А дай ты человѣку кусокъ на даровщинку, развѣ онъ станетъ себя утруждать? Ни въ жизнь!.. И въ писаніи сказано, что трудъ человѣку не на удовольствіе, а въ наказаніе данъ. Кто жъ добровольно себя наказывать станетъ? Тутъ палка нужна...

— Климъ Ивановичъ, — сказалъ подошедшій къ крыльцу работникъ, снявъ шапку: тамъ ребята собрались, полочки ждутъ. Вы нонеча обѣщали!

— Обѣщаль, обѣщаль! — сердито передразнилъ Климъ Ивановичъ, мгновенно мѣняя добродушное выраженіе лица на сердитое и сосредоточенное. — Поговорить спокойно не дадутъ!

Захаръ не сталъ слушать, всталъ и ушелъ въ домъ. Тамъ уже было совсѣмъ темно и тихо, какъ въ нежиломъ. Захаръ надѣлъ картузь, въ нерѣшительности постоялъ посреди комнаты и вдругъ на цыпочкахъ побѣжалъ по корридору на другой ходъ.

За воротами кучкой стояли и сидѣли на скамеечкѣ рабочіе. Они курили махорку, плевали и кого-то ругали. Когда Захаръ, стукнувъ калиткой, вышелъ на улицу, всѣ замолкли и молча проводили его глазами, а когда онъ отошелъ на значительное разстояніе, одинъ изъ работниковъ негромко, но внятно сказалъ:

— За душенькой своей побѣжалъ!..

И всѣ захохотали, точно вразъ заржалъ цѣлый табунъ жеребцовъ.

Захаръ слышалъ эту фразу, но мысль его была такъ поглощена Глафирой, что онъ какъ-то не понималъ страшнаго смысла этихъ словъ. Какъ

будто гуляя, онъ вышелъ на середину площади, поднялся на валъ и сразу увидѣлъ Глафиру.

Она шла къ рѣкѣ и ея платочекъ ярко бѣлѣлъ посреди сѣрой пустынной площади. Захаръ сразу догадался, куда она идетъ: за мостомъ лежала широкая зеленая левада, по окраинѣ которой протекала рѣка и росли старыя, густыя ветлы. На этой левадѣ они съ Глафирой бывали уже не разъ. Очевидно, Глафира нарочно прошла тогда по двору и была увѣрена, что Захаръ пойдетъ за нею.

Захаръ оглянулся. Окна въ домѣ были темны, и за воротами уже никого не было. Работники ушли во дворъ, и оттуда доносился сердитый крикъ Клима Ивановича.

Захаръ тихо, крадучись, сошелъ съ вала, еще разъ оглянулся и почти рысью побѣжалъ за Глафирой.

Надъ рѣкой было сыро по вечернему и совсѣмъ прохладно. По случаю праздника черная кузница была заперта, а на мосту никого не было. Захаръ свернулъ на леваду.

Глафира шла уже далеко впереди, по тропинкѣ, протоптанной въ густой, сырой травѣ. Ея бѣлый платочекъ весело и ярко мелькалъ по зеленому лугу.

Она услышала шаги Захара, но не оглянулась и шла все прямо, точно спѣша по дѣлу, и только когда они завернули за ракиты, остановилась, повернулась настрѣчу и улыбнулась, заманчиво и жалко.

Захаръ посмотрѣлъ на ея красныя губы, на ея круглыя плечи, на все ея расплывшее грѣшное тѣло, и Глафира показалась ему красивой, какъ

никогда. Но отъ ея виноватой улыбки въ немъ вспыхнула такая злоба, что даже въ головѣ помутилось.

Должно быть, выраженіе его глазъ было страшно, потому что улыбка вдругъ сошла съ лица Глафиры, и она замѣтно поблѣднѣла.

— Зоря... что ты, что ты! — вдругъ пролепетала она, заикаясь, и подняла руку.

И какъ будто это движеніе разрѣшило что-то, Захаръ коротко размахнулся и ударилъ Глафиру кулакомъ по головѣ. Глафира ахнула и пошатнулась. Бѣлый платочекъ слетѣлъ на плечи, и гребенка, выскочивъ изъ волосъ, полетѣла въ траву. Испытывая невѣроятное наслажденіе, Захаръ ударилъ ее еще разъ. Отъ второго удара Глафира упала на руки и заплакала.

Внезапно жалость, ужасъ и отчаяніе охватили Захара. Съ минуту онъ растерянно смотрѣлъ на плачущую Глафиру, потомъ быстро повернулся, отошелъ въ сторону и прижался лбомъ къ холодному шершавому стволу старой вербы. Пустота и мракъ были у него въ душѣ. Ему казалось, что между ними все теперь кончено.

— Ну, вотъ и все! — вертѣлось у него въ головѣ.

Неожиданно двѣ полныя теплыя руки обняли его сзади, и все тяжелое мягкое тѣло Глафиры прильнуло къ нему. Не вѣря себѣ, Захаръ обернулся. Глафира висѣла у него на шеѣ, снизу вверхъ смотря на него знакомыми немного косящими черными глазами, еще мокрыми отъ слезъ, а на губахъ у нея блуждала странная, возбужденная улыбка.

— Обидѣлъ... побилъ... У, какой! — словно безумная, бормотала она.

И ревность, и злоба, и отчаяніе улетѣли куда-то. Захаръ самъ не зналъ, какъ они очутились въ сырой мягкой травѣ, зеленой стѣной отгородившей ихъ отъ всего міра.

Потомъ они долго сидѣли на берегу. Глафира грудью лежала на колѣнахъ Захара и, перебирая его пальцы своими теплыми, крѣпкими, говорила:

— А ты думаешь, я не мучаюсь?.. Вѣдь онъ старый, противный! Я и не люблю его совсѣмъ!.. Иной разъ, кажется, лучше въ воду!.. Такъ, вѣдь, что же мнѣ дѣлать, Зорюшка?.. Ну, я не пойду, а онъ догадается... тогда что?

Захаръ слушалъ, смотрѣлъ на потемнѣвшіе огороды за рѣкой и молчалъ. Возбужденіе прошло, тоска и ревность снова грызли его, но тоска было тихая, а ревность тупая, усталая.

— Хоть бы померъ онъ, что ли! — вдругъ тихо шепнула Глафира и ниже наклонила голову, такъ, что Захару не видно было ея лица.

Захаръ вздрогнулъ, но опять промолчалъ.

— Я бы его сама отравила... Ей Богу!.. Такъ взяла бы да и отравила!

На минуту въ Захарѣ задрожала темная радость, но онъ сейчасъ же опомнился и похолодѣлъ отъ страху:

— Буде, глупости болтать! — сказалъ онъ.

— Нѣтъ, я не глупости!.. — упрямо и мрачно возразила Глафира, все ниже пригибаясь къ его колѣнамъ, такъ что на своей ногѣ Захаръ почувствовалъ ея горячее дыханіе.

— Ну, а потомъ что? — криво усмѣхнулся онъ.

Глафира совсѣмъ опустила голову, и пальцы ея замерли, бессильно скользнувъ по рукѣ Захара.

— Тамъ видно будетъ... все равно! — едва слышно сказала она.

Они замолчали и долго сидѣли, не шевелясь. За левадой кто-то пронзительно и громко свистнулъ. Глафира вздрогнула, подняла голову и въ ужасѣ вскочила на колѣна.

— Батюшки, что же это мы!

Захаръ только тутъ замѣтилъ, что совсѣмъ стемнѣло. Вдали, надъ силуэтами крышъ и церквей, ширилась свѣтло-зеленая полоса вечерней зари, но небо уже было темно, и мягкія звѣзды высвѣтились кое-гдѣ въ его глубинѣ. Надъ рѣкой полосами тянулся туманъ, и на левадѣ было такъ пусто, что даже жуть охватывала сердце.

У Захара похолонуло внутри. Дома уже давно сѣли ужинать и ихъ, конечно, хватились. Ужасъ овладѣлъ обоими, когда они, спотыкаясь въ травѣ, быстро шли назадъ черезъ леваду.

Еще издали былъ виденъ огонекъ въ столовой. Значить, дѣйствительно, сѣли ужинать. Они шли все скорѣе, почти бѣжали. Отъ страха у Глафиры подкашивались ноги, и она дышала такъ, точно задыхалась.

У самыхъ воротъ имъ шагнула навстрѣчу какая-то черная фигура. Глафира невольно кинулась въ сторону: ей представилось, что это Климъ Ивановичъ. Захаръ такъ же инстинктивно выдвинулся впередъ и сжалъ кулаки.

Но въ то же мгновеніе оба узнали знакомое дурацкое мычаніе Петеньки. Идіотъ улыбался во весь ротъ и загораживалъ дорогу.

— Тебѣ что? — еще дрожа, спросилъ Захаръ.

Петенька быстро замычалъ, показывая назадъ и морща брови. Онъ хотѣлъ сказать, что Климъ

Ивановичъ сердится. Потомъ ткнулъ пальцемъ въ Глафиру и себя въ грудь.

— Гуля... гуля... гуля... — бормоталъ онъ.

У Захара отлегло отъ сердца. Онъ понялъ, что Петенька все знаетъ и хочетъ спасти ихъ, предлагая, чтобы Глафира сказала дома, будто она гуляла съ нимъ, Петенькой.

— Молодецъ, Петька!.. — сказалъ Захаръ. — Глаша, иди съ нимъ... скажи, вмѣстѣ гуляли... ну, тамъ, что-нибудь!.. А я потомъ приду, будто изъ города...

Глафира кивнула головой, но не шла. Она, все-таки, боялась.

— Иди, иди, ничего! — легонько толкнулъ ее Захаръ и, быстро повернувшись, пошелъ обратно.

Онъ слышалъ, какъ стукнула калитка, и потомъ заскрипѣли шаги на крыльцѣ. Тутъ только, оставшись одинъ, онъ вспомнилъ услышанную имъ давеча за воротами фразу, и понялъ, что объ ихъ связи знаетъ не только Петенька, но и всѣ работники, а можетъ быть и полгорода. Эта мысль обдала его холодомъ, и показалось ему, что онъ стоитъ на краю страшной пропасти.

VII.

А о связи Глафиры съ Захаромъ, дѣйствительно, знали уже всѣ въ домѣ, кромѣ мамы и самого Клима Ивановича. Знали, но молчали, потому что не любили хозяина и радовались его позору. Старики осуждали Захара и Глафиру, молодежь зубоскалила и звала Захара молодцомъ.

— А чего ему въ зубы смотрѣть!.. И молодчага!.. Какую кралю изъ подъ носа ухватилъ!.. Подѣломъ старому чорту, не женись на молоденькой!..

Климъ Ивановичъ сталъ замѣчать, что когда идіотъ Петенька оказывается у него за спиной, дѣвки-работницы начинаютъ хихикать и закрываться рукавами. Но каждый разъ, когда онъ оборачивался, на него глядѣло то же тупое идіотское лицо, съ ничего невыражающими тусклыми глазками.

— Смотри ты у меня! — на всякій случай сказалъ онъ Петенькѣ, погрозивъ пальцемъ.

Но все-таки рѣшилъ прослѣдить, въ чемъ дѣло, и однажды ему удалось замѣтить, что Петенька сзади наставляетъ ему рожки.

Климъ Ивановичъ промолчалъ и даже притворился, будто ничего не замѣтилъ, но ушелъ въ домъ сумрачный и, встрѣтивъ Глафиру, бойко и весело шедшую куда-то по корридору, посторонился и проводилъ ее тяжелымъ, подозрительнымъ взглядомъ.

За обѣдомъ онъ все время незамѣтно поглядывалъ на жену, и тутъ только впервые замѣтилъ, какъ похорошѣла и странно расцвѣла Глафира.

— Гадюка, какъ есть гадюка! — подумалъ Климъ Ивановичъ, и тяжелая ревнивая злоба закипѣла въ немъ.

Онъ вдругъ вспомнилъ, какой кокетливой и бойкой была Глафира въ дѣвушкахъ, и сколько кавалеровъ бѣгало за нею. Срашная мысль о томъ, что у нея и до зѣмужества уже могли быть любовники, вдругъ пришла ему въ голову и ошеломила Клина Ивановича. Но это показалось ему очень даже возможнымъ.

— Кто ее знаетъ!.. Я-то, вѣдь, пьянъ былъ тогда, а у нихъ вся слобода такая!.. Папаша любезный, какъ есть, жуликъ!..

Климъ Ивановичъ припомнилъ, какъ быстро и радостно было принято его предложеніе. Тогда онъ приписалъ это своимъ личнымъ достоинствамъ и деньгамъ, а теперь все представилось ему въ совершенно иномъ свѣтѣ.

— Рады были грѣхъ покрыть! Ясное дѣло!.. — подумалъ онъ, и толстая шея его побагровѣла, а на вискахъ вздулись синія жилы.

Чѣмъ дольше глядѣлъ онъ на Глафиру, тѣмъ больше росли и крѣпли его мучительныя подозрѣнія. Что у жены долженъ быть любовникъ, Климъ Ивановичъ не сомнѣвался. Онъ только никакъ не могъ сообразить, кто бы это могъ быть. О Захарѣ ему какъ разъ и въ голову не пришло. Это былъ бы такой грѣхъ, такой позоръ, какихъ нельзя себѣ и представить.

А между тѣмъ, Глафира никогда никуда одна не ходила и всегда была на глазахъ или у него самого, или у мамыши. Климъ Ивановичъ подумалъ, было, о какомъ-нибудь изъ молодыхъ рабочихъ, но отвергъ эту мысль: жена, даже измѣнившая, даже ненавистная, все-таки, казалась ему такой красивой, что не могла бы она прельститься простымъ, грязнымъ мужикомъ.

— Нѣтъ, она не таковская! — съ горечью подумалъ Климъ Ивановичъ.

И съ этого дня, терзаясь подозрѣніями, мучимый оскорбленной гордостью, онъ не находилъ себѣ мѣста, сдѣдилъ за женою, подсматривалъ, боялся спать по ночамъ, вездѣ видѣлъ грѣхъ и позоръ, но никому ничего не говорилъ объ этомъ,

даже и виду не показывая, что ревнуетъ жену. Только былъ сумраченъ и угрюмъ, пересталъ ласкать Глафиру и съ большимъ усердіемъ хлопоталъ по хозяйству.

Надъ домомъ Дикихъ нависла тяжелая черная туча, и даже дѣвки на огородахъ стали чуютъ что-то недоброе.

— Быть бѣдѣ, — вздыхая, говорила кухарка Анисья, — охъ, быть бѣдѣ, милые!..

А старый кучеръ Матвѣй, самъ не зная почему, вдругъ попросилъ разсчета.

Только Захаръ и Глафира ничего не замѣчали.

Съ того вечера, когда ихъ необычайная совмѣстная отлучка сошла такъ благополучно, они потеряли всякую осторожность. Если прежде инициатива всегда исходила отъ нетерпѣливаго Захара, а у Глафиры отъ страха душа замирала, то теперь роли перемѣнились: Глафира стала какъ бѣшеная. Она уже ничего не боялась, бѣгала къ Захару подъ самымъ носомъ у мужа, и однажды дошла до того, что обняла и поцѣловала любовника въ присутствіи мамы, когда та на минутку отвернулась, ставя въ шкафъ банку съ вареньемъ. Захаръ обомлѣлъ, а Глафира только весело засмѣялась, и на вопросъ мамы:

— Чего ты гогочешь?

Отвѣтила, какъ ни въ чемъ не бывало:

— Захарушка насмѣшилъ!

Мама подозрительно посмотрѣла на нее и ничего не сказала. Старуха тоже что-то чувствовала, хотя еще и не отдавала себѣ отчета въ своихъ сомнѣніяхъ.

Черезъ нѣсколько дней Климъ Ивановичъ на цѣлую недѣлю уѣхалъ по дѣламъ и для Глафиры

насталъ праздникъ. Она сбросила съ себя всякую узду: каждую ночь, какъ только мамаша укладывалась спать, Глафира босикомъ, въ одной рубашкѣ, прокрадывалась въ комнату Захара и вся горячая, опьяненная тѣлесной радостью, какъ кошка, прыгала къ нему въ кровать. Ея страсть стала дикой, изступленной, неутолимо требовательной. Захаръ не могъ опомниться отъ ея ласкъ, и ночи превращались въ какую-то оргію, отъ которой на кровати Захара всѣ простыни и подушки оказывались сбитыми въ комья. Только на разсвѣтѣ, когда въ домѣ все уже было сѣро, Глафира уходила къ себѣ, а Захаръ забывался тяжелымъ, усталымъ сномъ.

Весь день онъ былъ утомленъ и вялъ, а Глафира весела, бойка и красивѣе, чѣмъ прежде.

О возвращеніи мужа Глафира какъ-то не думала, и когда увидѣла на дворѣ знакомую лошадь, дрожки и запыленного кучера, это поразило ее, какъ страшное, неожиданное несчастіе. Мысль о томъ, что теперь все кончено и придется ограничиться прежними торопливыми случайными свиданіями, показалась ей ужасной. Нѣсколько дней она выдерживала и томилась, а потомъ рѣшилась на страшную вещь.

Климъ Ивановичъ спалъ, тяжело завалившись на спину и раскрывъ ротъ, изъ котораго вылетало свистящее дыханіе. Въ комнатѣ горѣла лампадка, и ея призрачныя тѣни таинственно ходили по стѣнамъ. За окнами чернѣла глухая ночь. Глафира вдругъ подняла голову и зорко, блестящими глазами посмотрѣла на мужа. Онъ что-то промышчалъ во снѣ и пошевелилъ толстой рукой. Глафира замерла и долго лежала, приподняв-

шись на локтѣ и не спуская глазъ съ мужа. Сердце у нея билось тревожно и глухо, а во всемъ тѣлѣ горѣло и сосало невыносимое нетерпѣніе. Безумная мысль владѣла ею. Слышно было, какъ на дворѣ хрипло и тускло прокричалъ пѣтухъ. Глафира рѣшилась. Она осторожно перенесла голую ногу черезъ огромную тушу мужа, оперлась на руку и колѣно, приподнялась на воздухъ и очутилась на полу. Такъ, стоя на полу одной босой ногой и опираясь на кровать колѣномъ другой, она еще долго простояла надъ мужемъ, и было похоже, точно она подстерегаетъ каждое его движеніе, чтобы броситься и задушить. Потомъ тихо скользнула прочь. Климъ Ивановичъ не шевелился. У двери Глафира снова остановилась. При невѣрномъ свѣтѣ лампадки, въ одной бѣлой рубашкѣ, съ голыми ногами и руками, съ распущенными черными волосами, она казалась странной и страшной, какъ вѣдьма. Потомъ вдругъ исчезла.

Въ корридорѣ, на стѣнѣ, прикрученная до синяго свѣта, горѣла маленькая вонючая лампочка. Воздухъ былъ спертый и тяжелый, а на полу, разметавшись по войлоку, спала дѣвка прислуга.

Глафира, какъ тѣнь, скользнула мимо нея, прошла по корридору мимо мамашиныхъ дверей и скрылась въ комнатѣ Захара. Она даже не замѣтила, какъ спавшая дѣвка вдругъ приподняла спутанную, заспанную голову и проводила ее глазами.

— Къ полюбовнику побѣгла!.. Безстрашная!..— подумала она съ завистью.

Захаръ спалъ, и въ комнатѣ у него было совершенно темно. Глафира ошупью нашла кро-

вать и дотронулась до его ногъ. Захаръ не шевелился. Глафира ощупала его ноги, животъ, грудь и коснулась лица. Захаръ вздрогнулъ и безпокойно зашевелился.

— Кто? Кто тутъ?.. — сонно и хрипло забормоталъ онъ.

И вдругъ ухватилъ голую, теплую руку.

Сначала онъ даже не сообразилъ, кто это, но Глафира, молча откинувъ одѣяло, уже прильнула къ нему всѣмъ своимъ горячимъ тѣломъ. Она обвила его голыми ногами и руками, придавивъ обнаженной, тяжелой грудью. Ея горячія губы въ темнотѣ искали его губъ, а сухіе распустившіеся волосы сѣткой опутали ему все лицо. Ужасъ охватилъ Захара.

— Что ты... что ты... сумасшедшая! — пробормоталъ онъ.

Но Глафира зажала ему ротъ своими губами, а потомъ стала покрывать поцѣлуями его лицо, шею, грудь, даже животъ. Она была, и впрямь, какъ сумасшедшая, ничего не боялась, ни о чемъ не думала, вся охваченная радостной дикой страстью.

Съ этой ночи она часто стала уходить отъ мужа. Сначала Захаръ уговаривалъ ее, потомъ махнулъ рукой и уже самъ сталъ ждать ее по ночамъ. У него было такое чувство:

— Чему быть, тому не миновать!

И однажды ночью Климъ Ивановичъ проснулся. Ощущеніе странной пустоты поразило его. Лампадка горѣла, какъ всегда. Мѣсто Глафиры было пусто и уже совсѣмъ остыло. Сначала Климъ Ивановичъ не сообразилъ, въ чемъ дѣло, потомъ вдругъ сразу, точно кто толкнулъ его, пришелъ въ себя, поднялся и сѣлъ. Онъ подумалъ, что

Глафира встала по нуждѣ, но въ комнатѣ никого не было, а открытая дверь чернѣла пустотой.

Всѣ его подозрѣнія ударили въ голову, и первые страшная, неожиданная мысль о Захарѣ осѣнила его. Климъ Ивановичъ даже растерялся. Толстый, грузный и страшный, сидѣлъ онъ на кровати, спустивъ на полъ голыя, волосатыя ноги, и не зналъ, что дѣлать. Та мысль, которая пришла ему въ голову, была такъ ужасна, что Климъ Ивановичъ самъ старался разсѣять ее, придумывая всякія объясненія исчезновенію Глафиры.

Но какъ разъ въ это мгновеніе мракъ въ дверяхъ заколебался и бѣлая тѣнь вынырнула изъ него. Глафира быстро скользнула въ комнату. Отъ движенія воздуха или отъ чего другого, лампадка вдругъ вспыхнула ярче и освѣтила ее всю, въ одной рубашкѣ, съ голыми плечами и ногами, растрепанную, измятую.

При видѣ мужа Глафира остановилась, какъ вкопанная, и ея испугъ вдругъ все и окончательно выдалъ Климу Ивановичу.

— А-а! — не то закричалъ, не то захрипѣлъ онъ и, несмотря на свою грузность, въ одно мгновеніе очутился между дверью и Глафирой.

Но она и не думала бѣжать, оцѣпенѣвъ отъ ужаса, и только стала пятиться, вытянувъ впередъ голыя руки. Ей даже и въ голову не пришло что-нибудь солгать. По страшному, дикому виду мужа было видно, что это уже бесполезно. Глафира только слабо ухватилась за его руки, когда Климъ Ивановичъ схватилъ ее за горло и ударилъ о стѣну спиной и затылкомъ. Ея черные, широко открытые отъ ужаса глаза прямо и неподвижно смотрѣли ему въ лицо.

Все было молча. Климъ Ивановичъ рванулъ жену отъ стѣны на середину комнаты, такъ что она едва успѣла переступить босыми ногами, и тяжело бросилъ на полъ. Глафира упала на четвереньки, потомъ на бокъ. Рубашка свалилась у нея съ плечъ, а снизу задралась до пояса, и совсѣмъ голая, съ поцарапанной грудью, съ запутавшимися вокругъ лица волосами, Глафира была страшна и дика, какъ пойманный звѣрь. Она не защищалась, не кричала и только стонала, когда Климъ Ивановичъ, придавивъ ее къ полу, сталъ бить — по головѣ, по голой спинѣ, по грудямъ и животу — кулаками, колѣнами и ногами. Иногда онъ за волосы перетаскивалъ ее на другое мѣсто, опять валилъ ее на полъ и опять билъ, молча, стиснувъ зубы, тяжело дыша, охваченный однимъ желаніемъ: убить ее тутъ же на мѣстѣ.

Упалъ стулъ. Загремѣлъ столъ, о который головой ударилась Глафира. Счеты слетѣли на полъ, и съ грохотомъ раскатились по полу круглыя костяшки. Дѣвка, спавшая въ корридорѣ, вскочила, какъ встрепанная, и въ страхѣ прижалась къ стѣнѣ. Мамаша проснулась и сѣла на кровати. Сначала ей представилось, что на домъ напали разбойники, и она уже хотѣла звать на помощь, когда услышала несвязное бормотанье Клима Ивановича, стоны Глафиры и звуки ударовъ по голому тѣлу. Всѣ ея неясныя подозрѣнія молніей промелькнули у нея въ головѣ, и мамаша сразу догадалась, въ чемъ дѣло. Она всплеснула руками, напялила на себя юбку и выскочила въ корридоръ. Въ это время, на кухнѣ, кухарка уже будила кучера и двухъ заночевавшихъ тамъ работниковъ.

Когда мамаша вбѣжала въ спальню, ей прежде всего бросилась въ глаза бьющаяся о полъ голова Глафиры съ разметанными черными волосами и ея голыя ноги, судорожно ерзавшія во всѣ стороны.

— Убѣть! — мелькнуло у ней въ головѣ, и вся давняя ненависть къ невѣсткѣ наполнила ее мстительной, злобной радостью.

— Такъ ей, гадюкѣ, и надо! Паскуда!

Захаръ, послѣ ухода Глафиры мгновенно забывшійся сномъ, позже другихъ услышалъ шумъ. Сначала онъ ничего не понялъ, но услышалъ крикъ мамаша и все сообразилъ. Страхъ и стыдъ охватили его съ такой силой, что первое время онъ не могъ двинуться и была у него одна смутная мысль: спрятаться куда-нибудь, притаиться, какъ будто все это его ничуть не касается. Но въ этотъ моментъ Глафира, наконецъ, не выдержала: ударъ мужа попалъ ей въ ротъ и разсѣкъ губу. Она почувствовала вкусъ крови и поняла, что ее убиваютъ. Тогда она крикнула, пронзительно и коротко.

Этотъ крикъ привелъ Захара въ себя. Не отдавая даже себѣ отчета въ томъ, что дѣлаетъ, онъ сорвался съ кровати, какъ былъ, въ одной рубашкѣ, пробѣжалъ по корридору и, оттолкнувъ мамашу, ворвался въ спальню.

При видѣ голыя, растерзанной Глафиры, по лицу которой текла кровь, и тоже полуголаго, страшнаго Клима Ивановича, наваливашагося на нее, Захаръ какъ-то странно подскочилъ и, какъ кошка, прыгнулъ на брата. Отъ неожиданности Климъ Ивановичъ выпустилъ жену и тяжело сѣлъ на полъ, но сейчасъ же вывернулся и съ совер-

шенно несообразнымъ ревомъ схватилъ Захара за горло.

— А... ты... ты... ты! — не то кричалъ, не то икалъ онъ, выпучивъ глаза.

Ярость придала ему страшную силу. Захаръ былъ моложе и сильнѣе, но Климъ Ивановичъ смялъ его, какъ ребенка. Можетъ быть, онъ задушилъ бы брата, если бы Глафира не вцѣпилась ему въ ногу. Климъ Ивановичъ попытался вырваться, но она не пускала и волочилась за нимъ по полу. Тогда онъ понялъ, что она защищаетъ любовника, и въ бѣшенствѣ ударилъ ее ногой прямо въ грудь. Глафира охнула и потеряла сознание.

Въ то же время дюжія руки кучера и работниковъ, ворвавшихся въ комнату, мигомъ растащили братьевъ въ разныя стороны.

— Что дѣлашь, Климъ Ивановичъ!.. Опомнись! — крикнулъ кучерь, запыхавшись.

И Климъ Ивановичъ какъ будто въ самомъ дѣлѣ опомнился. Сила и ярость вдругъ оставили его. Онъ тяжело шлепнулся на стулъ и сразу осѣлъ, какъ мѣшокъ. Руки у него повисли, голова качалась въ разныя стороны, дышалъ онъ тяжело, съ хрипомъ и свистомъ, смотрѣлъ мутными глазами, не то пьянаго, не то больного. Врядъ ли онъ уже сознавалъ что-нибудь.

Захаръ еще рвался на брата, но работники его не пускали, а мамаша, съ голыми костлявыми плечами и распустившимися сѣдыми космами, какъ вѣдьма, тянулась къ его лицу скрюченными пальцами и яростно визжала:

— Убить тебя мало! Злодѣй ты!.. Что надѣлалъ! Паскудникъ, паскудникъ!.. Собственными руками задушу!.. Зубами загрызу!..

Кухарка голосила, что есть мочи. Работники кричали наперебой, а кучеръ отталкивалъ мамашу и говорилъ:

— Мамаша, мамаша... да побойся ты Бога!..

Въ эту минуту Захаръ вдругъ увидѣлъ неподвижно распростертое на полу голое тѣло Глафиры и вообразилъ, что братъ совсѣмъ убилъ ее. Онъ дико заревѣлъ и рванулся, но его удержали. Съ минуту онъ яростно боролся, потомъ вдругъ оттолкнулъ работниковъ, какъ былъ, въ одной рубашкѣ, метнулся по корридору, сорвалъ въ своей комнатѣ со стѣны ружье и вернулся, съ безумной мыслью сейчасъ же убить брата.

— Батюшки мои! — крикнула дѣвка прислуга, увидѣвъ ружье, и опрометью кинулась прочь.

Захаръ не успѣлъ выстрѣлить: сбоку въ ружье вцѣпилась мамаша, кучеръ загородилъ ему дорогу, а сзади Захара обѣими руками охватилъ работникъ. Его выволокли изъ комнаты, втолкнули къ себѣ и заперли. Онъ долго еще колотилъ кулаками и ногами въ дверь и кричалъ:

— Отворите!.. Пустите!.. Все равно убью!.. Какъ собаку застрѣлю!

Потомъ вдругъ замолчалъ. Привалившійся къ двери работникъ слышалъ, какъ онъ, тяжело ступая босыми ногами, прошелъ черезъ комнату и грохнулся на кровать.

Глафиру подняли и уложили. Кухарка обмывала съ нея кровь и приводила ее въ чувство. Клим Ивановича мамаша увела къ себѣ.

Онъ повиновался, словно малый ребенокъ, и какъ сѣлъ на материну кровать, такъ и просидѣлъ до утра, свѣсивъ голову на грудь и глядя въ полъ неподвижными глазами. Мамаша еще долго кри-

чала, проклиная Глафиру, которую считала единственной виновницей несчастья, но Климычъ Ивановичъ молчалъ.

Мало по малу все въ домѣ стихло, только работники шептались на кухнѣ, да идиотъ Петенька, забившись въ чуланъ, ревѣлъ отъ страху, какъ быкъ, до тѣхъ поръ, пока мамаша не крикнула ему:

— Да цыцъ ты, проклятый!..

VIII.

Утромъ Захара выпустили. Онъ былъ блѣдень и не подымалъ глазъ.

— Ты бы, Захаръ Иванычъ, на хуторъ поѣхалъ, что ли, — сказалъ ему кучеръ — я ужъ тебѣ и лошадку, признаться, запрегъ... И мамаша такъ говорятъ. А то долго ли до грѣха!.. Вишь, вы какіе бѣшеные!..

Захаръ подумалъ и послушался. Въ самомъ дѣлѣ, оставаться было невыносимо. Онъ одѣлся, чернымъ ходомъ вышелъ на дворъ, гдѣ стояла запряженная лошадь, и когда сѣлся на дрожки, быстро оглянулся на окна спальни. У воротъ стояли какіе-то люди и молча, съ любопытствомъ, смотрѣли на него.

Климычъ Ивановичъ слышалъ стукъ колесъ и догадался, что это уѣхалъ Захаръ.

— Уѣхалъ! — сказала и мамаша.

Климычъ Ивановичъ глянулъ въ сторону и промолчалъ.

Цѣлый день Глафира не показывалась. У нея былъ сильно расшибленъ глазъ и распухла верх-

няя губа, что придавало ей странный, какъ будто капризный видъ. Она лежала на кровати, сжавшись въ комочекъ и съ головой укрывшись большимъ теплымъ платкомъ. Все тѣло у нея ныло, а руки и ноги казались перебитыми. Она уже не думала о Захарѣ, какъ не думала и о своемъ позорѣ: вся душа ея ушла въ одно паническое ожиданіе встрѣчи съ мужемъ. Ей казалось, что теперь онъ непременно убьетъ ее.

Но Климъ Ивановичъ не входилъ къ женѣ. Раза два къ ней заходила только мамаша. При звукѣ ея шаговъ Глафира ежилась и плотнѣе закрывала голову платкомъ, холодѣя отъ стыда и страха. Мамаша смотрѣла на нее съ лютой ненавистью и злорадно шипѣла:

— Лежишь, гадюка?.. Лежи, лежи!.. Чего морду-то прячешь? На людей смотрѣть стыдно?.. У, гадина подколодная!.. Убить тебя мало!.. Вотъ, ужо, погоди!..

А кухарка Анисья, ходившая за Глафирой, утѣшала ее, послѣ ухода мамыши:

— Ничего, голубка! Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ!.. Все перемелется — мука будетъ. Ну, побьетъ, а ты потерпи... За сладенькое-то потерпѣть можно. Да и не убьетъ, чай!.. Все-таки, какъ ни на есть, а жена...

Въ обычное время, какъ будто бы ничего не случилось, Климъ Ивановичъ появился на дворѣ. Онъ сильно осунулся и постарѣлъ въ одну ночь, но ходилъ и распоряжался по хозяйству, какъ всегда. Дѣвки и работники, которымъ почему-то показалось, что теперь можно ничего не дѣлать, сразу присмирѣли и усердно принялись за дѣло не смѣя смотрѣть на хозяина и съ какой-то

подобострастной поспѣшностью бросаясь исполнять его приказанія. Иногда Климиъ Ивановичъ замѣчалъ ихъ быстрые любопытные взгляды, но даже и виду не показывалъ, что видитъ.

Обѣдалъ онъ вдвоемъ съ мамашей, но ѣлъ мало и водки не пилъ. Какъ-то суровая мысль, видимо, владѣла имъ. Когда мамаша снова стала бранить и проклинать Глафиру, Климиъ Ивановичъ промолчалъ, словно она говорила о чемъ-то совершенно постороннемъ. Только когда, со словъ прислуги, уже все разболтавшей, мамаша сказала, что Глафира спуталась съ Захаромъ давно, Климиъ Ивановичъ горько усмѣхнулся и головой покачалъ: онъ вспомнилъ, что въ теченіе всего этого времени Захаръ, какъ ни въ чемъ не бывало, смотрѣлъ ему въ глаза, а Глафира была его женой.

Больше всего его угнетала мысль, что о его позорѣ говорить теперь весь городъ. Потомъ онъ думалъ о томъ, что раздѣлъ съ братомъ неизбѣженъ, а отъ этого упадетъ и захирѣетъ все дѣло. Обѣ мысли были одинаково мучительны, но Климиъ Ивановичъ уже соображалъ, что позоръ забудется, а Захара при дѣлежѣ можно будетъ обойти, такъ какъ онъ въ дѣлахъ мало смыслить и вообще безпечень.

О женѣ Климиъ Ивановичъ думалъ мало. Ему и въ голову не приходило выгнать Глафиру изъ дома или разойтись съ нею. Этого въ ихъ кругу не водилось. Глафира была ему законной женой и таковой должна была остаться. Что Богъ сочеталъ, человекъ да не разлучаетъ!.. Конечно, жена опозорила его, и при мысли о томъ, что она жила съ Захаромъ, у Климиа Ивановича мути-

лось въ головѣ, но онъ твердо зналъ, что ему съ ней дѣлать: надлежало крѣпко проучить ее, чтобы навсегда выбить всякую дурь изъ головы.

Въ сумерки пришелъ работникъ съ маслобойни и запинаясь сказалъ, что поденщики ждутъ разсчета.

— Какъ Захаръ Ивановъ ничего не распорядились, такъ я и не знаю...

Климъ Ивановичъ глянулъ въ сторону, помолчалъ, потомъ надѣлъ картузь и, не спѣша, пошелъ черезъ площадь. Работникъ безъ шапки побѣжалъ за нимъ.

Мамаша давно ушла ко всеобщей, и въ домѣ стало такъ тихо, точно онъ опустѣлъ навсегда. Тогда Глафира встала, съ головой закуталась въ платокъ и неслышно вышла на крыльцо, въ садъ. Она двигалась, какъ тѣнь, пугливо оглядываясь по сторонамъ и прислушиваясь къ каждому шороху; но убѣдившись, что никто ее не видитъ, усѣлась на ступенькѣ крылечка и, глядя на вечернее небо, задумалась.

Никого не было кругомъ, и огромный дворъ, поросшій бурьяномъ, казался пустымъ, какъ кладбище. Только изрѣдка было слышно, какъ подъ амбарами гремитъ цѣпью собака, да гдѣ-то въ сараѣ ворчитъ пѣтухъ, усаживаясь на насѣсть. Старая верба тихо покачивала своими длинными вѣтками, а далеко надъ крышами и церквами медленно погасала заря.

О чемъ думала Глафира, трудно сказать. Это были какіе-то обрывки мыслей и представлений. Все пережитое — и буйная, грѣшная любовь, и чувственные восторги, и неизбывный позоръ и минувшая кромѣшная ночь — все куда-то ото-

шло, поблѣднѣло, какъ сонъ. О томъ, что ждетъ ее впереди, Глафира не загадывала. Ей было все равно! Она знала, что ее будутъ бить и мучить, но и это уже не вызывало въ ней ничего, кромѣ тупой, усталой тоски.

Кто-то вошелъ со двора въ садъ. Глафира услышала шаги, вздрогнула и сдѣлала движеніе вскочить, но узнала Петеньку и осталась. Это былъ, пожалуй, единственный человѣкъ, котораго она теперь не стыдилась и не боялась. Она знала, что онъ не ударить, не оскорбить, не позлорадствуетъ.

Идіотъ остановился въ нерѣшительности и издали смотрѣлъ на Глафиру не то испуганнымъ, не то жалостливымъ взглядомъ. Какое-то человѣческое выраженіе было въ его тусклыхъ, маленькихъ глазкахъ.

Глафира блѣдно и печально улыбнулась ему. Тогда идіотъ оживился, замычалъ и быстро-быстро заговорилъ что-то непонятное, размахивая руками и качая головой.

— Что тебѣ, Петенька? — ласково спросила Глафира, хотя отъ звуковъ собственнаго голоса у нея нестерпимо заболѣлъ ушибленный високъ.

Идіотъ шагнулъ къ ней, поднялъ руку и грязнымъ пальцемъ ткнулъ въ ея разсѣченную губу. Глаза его уже совершенно опредѣленно выразили жалость и гнѣвъ, но Глафира застыдилась своего безобразія и торопливо закрылась платкомъ. Петенька снова замычалъ, отступилъ шага на два и, сдѣлавъ руками такое движеніе, будто прицѣливался изъ ружья, крикнулъ глухо и коротко, какъ попугай:

• — Пу!..

Глафира поняла такъ, что онъ хочетъ сказать, будто Захаръ застрѣлитъ Кліма Ивановича, за то, что тотъ побилъ ее, и вся похолодѣла. Только сейчасъ она наконецъ поняла, какую страшную разруху внесла въ семью и чѣмъ все это можетъ кончиться. Сразу, точно душа ея проснулась, Глафира вспомнила Захара, и все сердце ея облилось кровью отъ страха за любимаго человѣка.

— Петенька, Петенька, — залепетала она, лоя идіота за рукавъ, — что ты... Господь съ тобой!.. Развѣ это можно!.. Да ты и не думай объ этомъ!.. Грѣхъ какой!.. Ты скажи Захару Иванычу, что я его Богомъ прошу... на колѣнахъ умоляю!..

Но идіотъ упрямо и отрицательно замоталъ головой и крикнулъ опять, такъ же странно-отрывисто:

— Пу!..

Глафира еще что-то хотѣла сказать, но въ это время стукнула калитка и на дворѣ послышался голосъ Кліма Ивановича. Она поблѣднѣла, вскочила и однимъ прыжкомъ исчезла въ дверяхъ. Климъ Ивановичъ уже входилъ въ кухню. Глафира, какъ мышь, скользнула въ свою комнату, юркнула въ кровать, накрылась съ головой и замерла, слыша только, какъ неровно и гулко стучитъ сердце.

Климъ Ивановичъ пришелъ мрачный и рѣшительный. На маслобойнѣ, которая всегда находилась на рукахъ у Захара, и до которой Климъ Ивановичъ не касался, все было какъ и всегда, но теперь ему показалось, что тамъ множество упущеній, грозящихъ непоправимыми убытками.

— Еще бы! — злорадно усмѣхнулся Климъ Ивановичъ. — Не до того было!..

И отъ этой мысли выросла ненависть къ женѣ и желаніе такъ натѣшиться надъ нею, чтобы она до самой смерти не забыла. Съ каждой минутой росло тяжелое, почти чувственное возбужденіе. Проходя черезъ кухню, Климъ Ивановичъ увидѣлъ ременные возжи, забытыя кучеромъ, снялъ ихъ съ гвоздя и бросилъ въ корридоръ за дверь. Кухарка видѣла это, но ничего не сказала.

Климъ Ивановичъ тучей прошелъ въ столовую и сѣлъ у окна, ожидая ужина и глядя на пустынную Сѣнную площадь. Въ городскомъ саду играла музыка, издали казавшаяся удивительно красивой и нѣжной, но Климъ Ивановичъ не обращалъ на нее никакого вниманія. Онъ рѣшилъ расправиться съ женой послѣ ужина и на этой мысли даже какъ будто немного успокоился.

Скоро пришла мамаша, принеся съ собой запахъ воску и ладана. Проходя по корридору, старуха сразу замѣтила валявшіяся на полу возжи, и лицо ея приняло какое-то острое, хищное и чувственное выраженіе. Но и она ничего не сказала.

Сѣли ужинать. Климъ Ивановичъ ѣлъ много и долго, не спѣша. Рѣшеніе уже было принято и торопиться некуда. О томъ, чтобы Глафира убѣжала или спряталась куда-нибудь, Климъ Ивановичъ даже и не подумалъ. Кончивъ ѣсть, онъ отодвинулъ тарелку, утеръ усы, всталъ, перекрестился на икону и пошелъ къ женѣ. Про возжи, однако, забыть. Мамаша сама проворно подхватила ихъ и догнала сына. Климъ Ивановичъ посмотрѣлъ на возжи, подумалъ и взялъ. Мамаша не выдержала:

— Хорошенько ее, подлюку!.. Чтобы помнила!.. — сказала она.

Климъ Ивановичъ ничего не отвѣтилъ и отворилъ дверь въ спальную.

Мамаша вернулась въ столовую, налила себѣ на блюдечко молока, которое любила кушать послѣ ужина, съ сахаромъ, и сѣла къ столу въ нетерпѣливомъ ожиданіи. То же острое выраженіе не сходило съ ея иконописнаго лица, и казалось, что ея тонкія уши шевелятся и поворачиваются.

Кухарка и дѣвка прислуга, мывшія посуду на кухнѣ, тоже ждали и прислушивались.

— Я, тетенька, убѣгу! Страшно, тетенька!.. А вдругъ убьетъ!.. — сюсюкала дѣвка, вся трепеща отъ любопытства и нетерпѣнія.

— Небось, не убьетъ! — неохотно возражала кухарка.

Вошелъ кучеръ.

— Бить пошелъ! — значительнымъ тономъ сообщила ему кухарка.

Кучеръ неодобрительно покачалъ головой, но ничего не сказалъ, взялъ кафтанъ и пошелъ ночевать на конюшню.

Вчера дѣло было особенное — пахло смертоубійствомъ и уголовщиной. Сегодня же все это было въ порядкѣ вещей.

— Не по головкѣ же гладить за такія дѣла! — думалъ старый кучеръ.

Въ спальнѣ, на комодѣ, горѣла лампа. Глафира лежала все въ томъ же положеніи, съ головой накрывшись платкомъ. Она не шевельнулась при входѣ мужа и, казалось, ничего не слышала, но какъ только Климъ Ивановичъ посмотрѣлъ на нее, Глафира вдругъ сбросила платокъ, вскочила и стала возлѣ кровати, опустивъ руки и глядя

на мужа испуганными огромными глазами, казавшимися черезчуръ черными на ея бѣломъ лицѣ.

Климъ Ивановичъ мелькомъ взглянулъ на жену, отвернулся и, положивъ возжи на стулъ, сталъ медленно, не спѣша, раздѣваться. Онъ снялъ пиджакъ, аккуратно повѣсилъ его на гвоздикъ, разстегнулъ жилетку, чтобы было свободнѣе рукавъ, а уже потомъ взялъ возжи въ лѣвую руку и подошелъ къ женѣ. Она, не мигая, смотрѣла ему прямо въ лицо и казалась бѣлой, какъ стѣна.

— Ну? — сказала Климъ Ивановичъ.

Глафира вздрогнула и потупилась. Климъ Ивановичъ долго смотрѣлъ на нее, точно любясь, и глаза у него все больше разгорались. Глафира ждала и была ни жива, ни мертва. Ноги у нея подламывались и руки дрожали. Долго было тихо, и вдругъ страшный рѣжущій ударъ по щекѣ едва не сшибъ ее съ ногъ. Глафира пошатнулась, но устояла. Климъ Ивановичъ ударилъ еще и еще разъ, все въ одну и ту же щеку. Глафира схватилась за кровать, но не удержалась и съѣхала на полъ. Тогда Климъ Ивановичъ, все такъ же не торопясь, переложилъ возжи изъ лѣвой руки въ правую, аккуратно замоталъ въ кулакъ волосы Глафиры и потащилъ ее отъ кровати на середину комнаты. Глафира не сопротивлялась и сама покорно ползла на колѣнахъ, вытянувъ шею и хватаясь рукой за полъ, чтобы не упасть.

Посреди комнаты Климъ Ивановичъ за волосы повернулъ жену поудобнѣе и сталъ бить.

Билъ онъ методично, со вкусомъ, протягивая удары то вдоль, то поперекъ спины и выбирая

мѣста побольнѣе. Послѣ каждаго удара онъ за волосы заставлялъ жену занять прежнее положеніе. Глафира не сопротивлялась и не кричала, только вздрагивала и отъ боли судорожно ерзала ногами по полу. Казалось, что она даже сама заботилась о томъ, чтобы ему ловчѣе было бить.

Скоро всѣ пуговицы у нея отлетѣли и кофточка сбилась на шею, обнаживъ мягкую, полную спину, уже всю покрытую бѣлыми и красными, быстро вспухающими полосами. Кое-гдѣ мелкимъ краснымъ бисеромъ проступила кровь. Тогда Клима Ивановичъ пришелъ въ ражъ, вся кровь бросилась ему въ голову. Удары посыпались на Глафиру со страшной быстротой, по спинѣ, по плечамъ, по ногамъ, куда попало. Глафира заби-лась, пытаясь вырваться или хотя бы закрыться руками, но ея сопротивленіе только еще больше возбудило Клима Ивановича. Ярость охватила его. Онъ уже ничего не помнилъ, не соображалъ, только хлесталъ и хлесталъ. Иногда дергалъ жену за волосы и толкалъ колѣнами, чтобы она приняла то положеніе, какое ему хотѣлось. Долгое время слышались лишь его хриплое дыханіе, хлестъ ударовъ и тяжелая возня. Но когда кровь брызнула уже на полъ, Глафира, наконецъ, рванулась и закричала тонкимъ пронзительнымъ голосомъ. Она билась, какъ безумная, вскакивала, падала, хватала Клима Ивановича за руки, за ноги, ловила возжи и даже пыталась цѣловать сапоги своего мучителя. Но все было напрасно.

Крикъ ея разносился по всему дому и былъ слышенъ даже на дворѣ, но никто не шевельнулся. Всѣ думали, что такъ и должно быть.

Наконецъ, крикъ перешель въ дикій сплошной визгъ и внезапно оборвался. Климъ Ивановичъ выпустилъ волосы жены и ударомъ колѣна въ лицо отбросилъ ее въ сторону. Глафира упала, перевернулась ничкомъ и осталась такъ. Все тѣло ея дрожало и ноги судорожно поджимались.

Климъ Ивановичъ дышалъ тяжело, съ хрипомъ, какъ запаленный. Лицо у него было багрово и дико. Не глядя на жену, онъ подошелъ къ умывальнику, снялъ съ гвоздика полотенце, вытеръ себѣ лицо и шею, напился, прямо изъ подъ крана, воды и только тогда нѣсколько пришелъ въ себя. Потомъ сѣлъ на кровать и сталъ снимать сапоги.

Глафира лежала по прежнему, уткнувшись лицомъ въ полъ, одной рукой охвативъ голову, а другую странно вывернувъ вдоль тѣла. Эта рука все шевелилась, точно стараясь ухватиться за избитое мѣсто, но опять бессильно падала. Глафира вся дрожала и всхлипывала такъ, словно захлебывалась.

Климъ Ивановичъ снялъ сапоги, стащилъ брюки и легъ. Съ минуту онъ молчалъ, потомъ сказалъ: — Ладно!.. Теперь будешь знать!.. Туши лампу, нечего тутъ!..

Глафира не отвѣчала.

— Тебѣ говорю?.. Ложись спать!.. — бѣшено крикнулъ Климъ Ивановичъ и сдѣлалъ движеніе

Глафира вздрогнула, поднялась, опершись руками объ полъ, опять упала и, наконецъ, встала, шатаясь и дрожа всѣмъ тѣломъ. Лицо у нея распухло, все запуталось въ волосахъ и было мокро. Глаза дико блуждали, точно не узнавая ничего вокругъ.

— Ну, раздѣвайся! — скомандовалъ Климъ Ивановичъ.

Глафира съ ужасомъ взглянула на мужа и торопливо стала раздѣваться, дрожащими пальцами путаясь въ тесемкахъ. Климъ Ивановичъ искоса слѣдилъ за нею и у него было выраженіе жестокаго, почти сладострастнаго удовлетворенія. Когда же она раздѣлась до рубашки и стала, не зная, что ей дѣлать, онъ откинулъ одѣяло, подвинулся и сказалъ:

— Туши лампу!

Глафира нагнулась къ стеклу, но распушія губы не повиновались: лампа вспыхивала, коптила, но не гасла.

— Ну, скоро ты тамъ? — грозно закричалъ Климъ Ивановичъ.

Глафира, почти съ отчаяніемъ, собрала всѣ силы и дунула въ стекло. Огонь вспыхнулъ и погасъ. Стало темно и запахло керосиновой гарью. Климъ Ивановичъ лежалъ и ждалъ. Долго было тихо, потомъ послышались легкіе шаги босыхъ ногъ и трепетная рука наткнулась на его ноги, отыскивая впотьмахъ постель. Глафира съ трудомъ перелѣзла черезъ мужа и опустилась на свое мѣсто у стѣнки. Тѣло у нея было горячее, какъ огонь. Она легла и притаилась, не смѣя дышать.

— Ну, чего жмешься, дура! — помолчавъ, страннымъ голосомъ сказалъ Климъ Ивановичъ.— Ложись ближе!

Глафира робко подвинулась и опять замерла, прижавшись къ грузному тѣлу мужа и дыша ему въ плечо горячимъ сухимъ дыханіемъ. Полежавъ, Климъ Ивановичъ приподнялся и повернулся къ женѣ.

IX.

Захаръ жилъ одинъ на хуторѣ.

Кругомъ была степь, сухая и пыльная, съ мутными далекими горизонтами. Кромѣ кучки жалкихъ деревь у хутора, нигдѣ не видно было никакой зелени. Только сожженная солнцемъ рыжая трава, надъ которой съ жалобнымъ пискомъ кружили голодные ястреба, да лиловыя дали. Стояла страшная сушь, такъ что земля трескалась, и по ночамъ все небо тревожно вздрагивало отъ кровавыхъ зарницъ.

Захаръ изнывалъ отъ тоски и одиночества.

Онъ совершенно не зналъ, что дѣлается дома. Приѣзжали изъ города работники, но Захаръ стыдился ихъ спрашивать. Только потому, что они ничего не рассказывали, онъ догадывался, что все обстоитъ болѣе или менѣе благополучно. Захаръ отлично зналъ, что Глафира потеряна для него навсегда и даже примирился съ этой мыслью, но если бы Климъ Ивановичъ и впрямь убилъ ее, ему было бы легче. Теперь же онъ представлялъ себѣ, что они помирились и живутъ опять, какъ мужъ и жена, а при этой мысли начинались такія муки ревности, что Захаръ не находилъ себѣ мѣста.

Днемъ его еще кое-какъ отвлекала работа, но по вечерамъ и по ночамъ, когда все затихало на хуторѣ, и онъ оставался совершенно одинъ, Захаръ не зналъ, что дѣлать съ собою. Стоило ему лечь и потушить лампу, какъ въ темнотѣ передъ нимъ выплывала Глафира, красивая, грѣшная, соблазнительная, какъ никогда. Все тѣло его напрягалось желаніемъ этой женщины и дикія мысли лѣзли въ голову.

То ему хотѣлось мертвецки запить, то уйти въ монахи, то убить Клина Ивановича. Навязчивое представленіе объ этомъ убійствѣ почти не оставляло его воспаленнаго мозга. Захаръ часто, какъ сквозь сонъ, видѣлъ толстое брюхо Клина Ивановича, дуло своего ружья, огонь и дымъ. А потомъ кровь. Странно было, что при этомъ ему никогда не удавалось представить себѣ лицо брата, и это почему-то было особенно мучительно. Иногда жажда убійства до такой степени заполняла его душу, что она горѣла огнемъ, и казалось, достаточно незначительнаго толчка, чтобы все такъ и случилось. Этотъ страшный кошмаръ овладѣвалъ имъ въ особенности по ночамъ.

Тогда Захаръ вскакивалъ, кое-какъ одѣвался, выходилъ на дворъ и до утра слонялся по хутору. Собаки, узнавъ хозяина, ходили за нимъ и махали хвостами, а въ степи было черно, страшно, и казалось, никогда не настанетъ день.

Черезъ недѣлю пріѣхалъ старый кучеръ и разсказалъ, наконецъ, Захару обо всемъ, что случилось за это время. Когда онъ разсказывалъ, какъ Клима Ивановичъ училъ жену, а она кричала:

— Чисто свинья рѣзанная!..

Захаръ почувствовалъ что корни волосъ у него шевелятся, по одеревенѣвшему лицу ползетъ какая-то липкая паутина, а въ глазахъ темнѣть быстрыми кругами.

А когда кучеръ сказалъ, что теперь они помирились и живутъ ничего, какъ слѣдуетъ, Захаръ подумалъ, что хорошо бы убить не только Клима, но и Глафиру.

— Извѣстно, баба и есть баба!.. Ихъ ежели бить, такъ онѣ еще мягчѣе бываютъ!.. Баба

вещь легкая: ей все одно, былъ бы кто-нибудь!..

И Захару казалось, что кучеръ правъ: что Глафиръ дѣйствительно, все равно — мужъ или онъ.

Разказы стараго кучера терзали его невыносимо. Въ душѣ у него жгло, рѣзало и пекло, но ему хотѣлось, чтобы тотъ разказывалъ еще и еще, безъ конца. Думалъ онъ только о Глафирѣ, но изъ приличія опросилъ и о мамашѣ.

— Ну, а мамаша какъ?

— Что жъ, мамаша! — солидно отвѣтилъ кучеръ: — имъ, извѣстно, горько!.. Ты думаешь, мало сраму на весь городъ?.. Имъ теперь люди въ глаза смѣются. Спервоначалу она на тебя очень лютовала, ну, а потомъ — ничего... Все-таки, сынъ, что ни говори!.. Материнское сердце, оно всегда себя окажетъ. Но кто тебя, Захаръ Ивановичъ, жалѣетъ, — вдругъ засмѣялся кучеръ, — такъ это Петенька!.. Даже похудалъ, право!.. «Му! му!».. — передразнилъ кучеръ. — Все тебя ищеть. Вотъ, поди жъ ты, какая странная исторія: адіеть, а любить, словно и разумный человѣкъ!..

Кучеръ выпилъ седьмой стаканъ чаю, перевернулъ стаканъ, положилъ на доньшко огрызокъ сахару и сказалъ, подымаясь:

— Покорно благодаримъ. Пора и на боковую.

Захару хотѣлось его удержать, но онъ не рѣшился.

Кучеръ перекрестился на образокъ, висѣвшій въ углу, подъ самымъ потолкомъ, поклонился еще разъ и пошелъ, но въ дверяхъ остановился и сказалъ:

— А скушно, поди, тебѣ тутъ... въ одиночку-то!.. Хотѣль-было, я тебѣ ружьишко прихватить, да запамятоваль. Въ другой разъ ужю...

Онъ вышелъ, а Захаръ вышелъ на дворъ и безъ шапки побрелъ въ темную степь.

— Убить, убить, убить!.. — стучало молотомъ у него въ вискахъ.

Вернулся онъ только утромъ, измученный, запыленный, съ блуждающими глазами, блѣдный, какъ смерть. Работница, шедшая доить коровъ, увидѣла его и сказала:

— Неужто ты и не ложишься, Захаръ Ванычъ?.. Уходишь ты себя!..

Захаръ ничего не отвѣтилъ, только какъ-то испуганно и странно отшатнулся отъ нея. Былъ онъ, очевидно, самъ не свой. Работница поглядѣла ему вслѣдъ и покачала головой.

— Что-съ съ нимъ приключилось!..

А въ эту ночь случилось вотъ что: Глафира уже лежала въ постели, а Климъ Ивановичъ, въ одной рубашкѣ и въ засаленныхъ подтяжкахъ, затворялъ окно въ садъ. Было невыносимо жарко и душно, но въ семьѣ Дикихъ споконъ вѣку не полагалось спать при открытыхъ окнахъ, изъ боязни воровъ.

На дворъ было такъ черно, что едва можно было различить на небѣ неопредѣленные силуэты крышъ и деревьевъ. Было много звѣздъ, но онѣ были не яркія, вялыя. Ближайшія листья ярко освѣщало изъ окна, и они странно зеленѣли во мракѣ. Смутно бѣлѣла садовая дорожка въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дому. Вспыхивали багровыя зарницы и тогда, на мгновеніе, небо становилось свѣтлымъ, а деревья рѣзко черными. Потомъ все опять исчезало.

— Гроза будетъ! — сказалъ Климъ Ивановичъ.

И какъ разъ въ эту минуту оглушительный трескъ разодрала воздухъ, зазвенѣли стекла, и яркій отсвѣтъ ружейнаго выстрѣла вырвалъ изъ мрака стволы ближайшихъ деревьевъ, кругъ зеленой травы, бѣлую дорожку и чью-то тѣнь, пропавшую въ сторонѣ.

Климу Ивановичу показалось, что кто-то изо всей силы толкнулъ его въ грудь, и лицо опакнулось чѣмъ-то горячимъ. Звукъ выстрѣла онъ уже не слышалъ и даже не понялъ, въ чемъ дѣло, отступилъ шага на два назадъ и тяжело грохнулся на полъ, раскинувъ руки и поваливъ стулъ, на которомъ висѣлъ его пиджакъ.

Падая, онъ отчаянно крикнулъ:

— За...

Но сейчасъ же лицо его приняло спокойное, равнодушное выраженіе, онъ раза два дернулся всѣмъ тѣломъ, повелъ снизу вверхъ толстымъ животомъ и застылъ. Поближе къ лѣвому плечу, сквозь разорванную въ ключья ситцевую рубаху, быстро стала проступать черная кровь.

Глафира, какъ безумная, бросилась съ постели къ двери и огласила весь домъ пронзительнымъ, отчаяннымъ крикомъ. Слышно было, какъ отовсюду выбѣгали люди, съ тревожными голосами. Залаяла собака.

Х.

Драма семейства Дикихъ уже давно занимала весь городъ, и убійство Климъ Ивановича взволновало всѣхъ до чрезвычайности.

Впрочемъ, въ убійствѣ этомъ не было ничего загадочнаго. Общее мнѣніе сразу и единогласно

постановило, что убилъ Захаръ. Его арестовали на другой же день и посадили въ острогъ.

Всѣ улики были налицо: двухствольное ружье Захара, съ разряженнымъ патрономъ и свѣжимъ нагаромъ въ дулѣ, нашли въ нѣсколькихъ шагахъ отъ окна, въ травѣ. Работники единогласно показали, что еще во время драки братьевъ Захаръ пытался застрѣлить Клина Ивановича, и, когда у него отняли ружье, грозился, что все равно убьетъ, а именно — «застрѣлить, какъ собаку!»

Кухарка съ хутора заявила, что во всю ночь убійства Захара не было дома, что онъ куда-то очень далеко ходилъ и вернулся только на разсвѣтѣ, весь въ пыли, грязный и усталый, и вообще «не въ себѣ».

— Онъ всегда до меня такой внимательный, а тутъ слова не сказалъ, — повѣствовала здоровая, красивая бабенка. — Какъ глянула я на него, ну, думаю, не иначе, какъ брата убилъ!

Старикъ кучеръ, хотя и неохотно, сознался, что въ тотъ вечеръ Захаръ долго спрашивалъ его о братѣ и Глафирѣ, и что при этомъ на немъ лица не было.

— Я ужъ ему и говорилъ: плюнь ты на нее, Захаръ Ванычъ! Мало ли бабъ на свѣтѣ! Всѣ къ одному приспособлены... Но нѣтъ, видно, что не могить!.. Ревновалъ онъ ее очень, отсюда и вся причина!.. Гадюка проклятая, погубила челоуѣка ни за что!..

Одной изъ самыхъ важныхъ деталей слѣдствія былъ вопросъ: что именно крикнулъ Клима Ивановича передъ смертью.

Крикъ этотъ, вѣрнѣе — отчаянный вопль, разнесся по всему дому и его слышали многіе. Ма-

маша еще не ложилась, кухарка убирала въ столовой, на кухнѣ ужинали работники, въ корридорѣ укладывалась спать дѣвка прислуга, а за воротами, на скамеечкѣ, сидѣла другая дѣвка со своимъ любовникомъ, солдатомъ. Всѣ они опредѣленно утверждали, что Климъ Ивановичъ явственно прокричалъ:

— Захарь!

И только непосредственная свидѣтельница убійства, Глафира, нынѣ страшно похудѣвшая, вся въ черномъ, заявила и настаивала на томъ, что Климъ Ивановичъ крикнулъ только:

— За...

По мнѣнію ея, онъ хотѣлъ крикнуть:

— За что?

Такая догадка казалась весьма произвольной и совершенно неубѣдительною, принимая во вниманіе, что Глафира, конечно, желаетъ выгородить своего любовника. Мужа она, какъ извѣстно, не любила, послѣ ея измѣны Климъ Ивановичъ часто билъ и даже истязалъ ее, въ то же время заставляя исполнять свои супружескія обязанности. Къ Захару же она побѣжала въ тюрьму въ тотъ же день, какъ его привезли съ хутора.

Что касается самого Захара, то онъ, повидимому, былъ страшно потрясенъ и твердилъ только одно:

— Я брата не убивалъ.

На вопросъ о томъ, какимъ образомъ его ружье могло очутиться на мѣстѣ убійства, отвѣчалъ, что не знаетъ.

— Я ружье дома забылъ... у меня его не было.

Потомъ уже и кучеръ Матвѣй припомнилъ, что ружье, дѣйствительно, оставалось дома, и что

онъ даже хотѣлъ захватить его съ собою, когда ѣхалъ на хуторъ, зная, какъ страстно Захаръ любитъ охоту, и полагая, что ему скучно одному въ степи.

Къ сожалѣнію, это важное обстоятельство онъ вспомнилъ не сразу, а уже впослѣдствіи, при повторныхъ допросахъ, а такъ какъ онъ явно сочувствовалъ Захару, то заявленію его не придали особой цѣны.

На самый же главный вопросъ: гдѣ Захаръ провель роковую ночь, обвиняемый сказалъ только:

— По степи ходилъ.

— Всю ночь? — спросилъ слѣдователь.

— Всю ночь, — повторилъ Захаръ сумрачно, видя, что ему не вѣрятъ.

— Что же вы тамъ дѣлали?

— Ничего не дѣлалъ... Ходилъ... Очень мнѣ горько было.

Впрочемъ, бросалось въ глаза, что Захаръ отвѣчаетъ вообще неохотно, какъ бы не желая оправдываться. Оживлялся онъ и говорилъ съ несомнѣннымъ ужасомъ и отвращеніемъ только тогда, когда его прямо обвиняли въ убійствѣ брата. Похоже было, что онъ ни за что на свѣтѣ не желаетъ признать за собою столь тяжкій грѣхъ, но въ то же время — глубоко равнодушенъ къ своей участи.

Слѣдователя вообще поражало отношеніе къ дѣлу многихъ изъ участниковъ процесса. Всѣ они добросовѣстно давали свои показанія, но какъ будто боялись высказать свое личное мнѣніе, и ни у кого, даже у Глафиры и мамыши не было замѣтно особеннаго желанія выгородить подсудимаго.

Эта черта была замѣчена и подчеркнута впоследствии прокуроромъ въ его обвинительной рѣчи.

Между прочимъ, особенно странно было отношеніе мамы.

Въ первую минуту послѣ убійства она, какъ безумная, кидалась на трупъ сына, и, когда собрался народъ, громко кричала, что убилъ именно Захаръ, а не кто другой. Это всё прекрасно помнили. Однако, на допросѣ у слѣдователя она вдругъ рѣзко измѣнила тонъ, больше отмалчивалась, а впоследствии и вовсе отказалась отвѣчать, пользуясь правомъ матери.

И это было использовано прокуроромъ въ смыслѣ обвиненія.

Однимъ словомъ, никто не сомнѣвался въ томъ, что убилъ Захаръ, но публику не столько интересовалъ самый фактъ убійства, сколько отношенія между Глафирой и Захаромъ. Думали и гадали о томъ: сойдутся ли они теперь, когда между ними кровь брата и мужа, или должны навсегда отдалиться другъ отъ друга. Дамы настаивали, что они сойдутся непременно; мужчины сомнѣвались.

Дамское мнѣніе основывалось на томъ, что Захаръ, убивъ мужа, доказалъ свою страстную любовь; а мужчины говорили:

— О, вы не знаете этого народа! Для нихъ это такой тяжкій грѣхъ, что послѣ него возможно только идти въ монастырь, а ужъ никакъ не спать въ постели убитаго!

Вскорѣ, къ общему удивленію, стало извѣстно, что хотя Глафира каждый день бѣгаетъ въ тюрьму, но Захаръ упорно отказывается отъ свиданій съ нею.

— Вотъ, видите, — съ торжествомъ говорили одни, — онъ даже видѣть ее не хочетъ!

— Однако, она же бѣгаетъ? — возражали другіе.

— Ну, она женщина! Женщина, которая любить, не испугается никакого грѣха.

А Глафира, дѣйствительно, каждый день ходила въ острогъ. Она приходила блѣдная, вся въ черномъ, очень красивая, потупляя глаза передъ каждымъ встрѣчнымъ. Въ рукахъ у нея, подъ платочкомъ, всегда былъ узелокъ съ гостинцами для заключеннаго. Она терпѣливо ждала у воротъ, и когда ей передавали, что Захаръ не хочетъ ее видѣть, блѣднѣла, опускала глаза и молча уходила, оставивъ свой узелокъ надзирателю. Впрочемъ, впослѣдствіи и узелокъ уносила съ собою или отдавала какому-нибудь нищему, такъ какъ Захаръ вдругъ сталъ отказываться и отъ гостинцевъ.

Въ домѣ Дикихъ остались только двѣ женщины да идиотъ Петенька.

Кстати, объ идиотѣ: Петенька такъ былъ потрясенъ убійствомъ, что даже какъ будто поумнѣлъ. По крайней мѣрѣ, въ глазахъ у него появилось какое-то выраженіе и держаться онъ сталъ солидно, совсѣмъ какъ разумный.

Когда убили Клима Ивановича, идиотъ такъ испугался, что сбѣжалъ изъ дому и забился гдѣ-то за амбарами, въ бурьянъ, гдѣ его и разыскали только на третій день, къ вечеру, голоднаго, мокраго, грязнаго и совершенно одичавшаго. Онъ ни за что не хотѣлъ покинуть свое убѣжище и, когда попробовали вытащить его оттуда, началъ биться и кричать, какъ бѣшенный. Извлечь его

удалось только хитростью: выманить его послали красивую дѣвку поденщицу, которой за это обѣщали полтинникъ.

Во время похоронъ брата, когда пришли попы, запахло ладаномъ и по всему дому раздалось гнусавое, нестройное пѣніе, Петенька убѣжалъ и спрятался снова.

— Вотъ, скажите на милость, дуракъ, а тоже смерти боится! — сказалъ по этому поводу отецъ дьяконъ.

Клима Ивановича несли на кладбище по Кладбищенской улицѣ, и колокола звонили такъ же, какъ въ тотъ день, когда онъ вѣзжалъ въ городъ съ молодой женой.

Теперь эта жена, погубившая его, осталась единственной хозяйкой въ домѣ. Дѣло въ томъ, что къ общему недоумѣнію мамаша, прежде не любившая, а послѣ измѣны мужу даже возненавидѣвшая невѣстку и постоянно подзуживавшая сына на истязанія Глафиры, послѣ смерти Клим Ивановича вдругъ помирилась съ нею и даже сдала ей всѣ дѣла.

Съ своей стороны и Глафира обнаружила большое почтеніе и любовь къ старухѣ-свекрови, заботясь о ней, какъ о родной матери. Отношенія между ними стали самыя любовныя. Онѣ часто вмѣстѣ ходили въ церковь и простаивали всю службу рядомъ, обѣ въ черномъ, со строгими, блѣдными лицами. Кстати сказать, въ красивомъ и молодомъ лицѣ Глафиры съ этого времени тоже появилось что-то иконописное.

Послѣ того, какъ одного сына схоронили, а другого взяли въ острогъ, мамаша сразу постарѣла и опустила. Она совершенно отошла отъ

лѣдѣ, только ходила по церквамъ, служила панихиды и подавала нищимъ. Дома же сидѣла постоянно у себя въ комнатѣ и кушала тамъ же.

Всѣмъ домою, маслбойней и хуторомъ управляла Глафира и, странно, оказалась превосходной хозяйкой, съ большимъ практическимъ смысломъ и твердой волей.

Сначала всѣ смотрѣли на нее, какъ на убійцу и блудницу, и никто ее не слушалъ. Работники ничего не дѣлали, дѣвки баловались, кухарка ворчала и грозила разсчетомъ. Въ домѣ воцарилась настоящая анархія. Но уже черезъ недѣлю-другую, Глафира какъ-то сумѣла всѣхъ взять въ руки и безъ крика заставила себя слушать. Въ концѣ концовъ ее даже стали уважать.

— Королева баба! — говорили о ней на базарѣ. — Оно, конечно, согрѣшила бабочка, да, вѣдь, бѣсъ силенъ!.. А между прочимъ, на комъ грѣха нѣтъ? Всѣ люди, всѣ человѣки!.. По крайности, ежели и была она всему причиной, такъ за то теперь безъ нея весь домъ растащили бы. А, вѣдь, тамъ на сто тысячъ капитала.

Пріѣхалъ-было, слышавъ о несчастіи, не то съ цѣлью помочь, не то — желая погрѣть руки, отецъ Глафиры. Онъ къ тому времени совершенно спился, овдовѣлъ и кулачествовалъ по ярмаркамъ, гдѣ часто бывалъ жестоко битъ мужиками за мошенничество. Глафира приняла его почтительно, но къ дѣлу рѣшительно не допустила.

— Нѣтъ, ужъ вы это, папаша, оставьте!. Я сама!.. Какъ я всему причинна, то и должна на себя все взять и въ цѣлости хозяевамъ представить.

Старикъ обидѣлся и уѣхалъ.

Незадолго до суда, Глафира съѣздила въ губернской городъ и за крупную сумму пригласила на защиту Захара самаго лучшаго присяжнаго повѣреннаго. Сдѣлала она это съ согласія мамы, но въ городъ это не понравилось, и стали говорить:

— Старуха-то изъ ума выжила, а эта стерва всѣмъ завладала... Подождите, дайте срокъ: выйдетъ Захаръ изъ острога, они и не такъ все къ рукамъ приберутъ!..

Странно, что хотя всѣ были убѣждены въ виновности Захара, но въ базарныхъ кругахъ царила увѣренность, что его оправдаютъ.

Мѣстная интеллигенція никакъ не могла понять этого противорѣчія, но сѣдобородые купцы хранили свои соображенія про себя. Они какъ будто что-то знали, помалкивали и на всѣ вопросы отвѣчали:

— Тамъ видно будетъ!..

XI.

Судили Захара великимъ постомъ, когда пахло талымъ снѣгомъ, поля были залиты огромными прозрачными лужами, по ночамъ дулъ порывистый, сырой вѣтеръ, а въ городъ по цѣлымъ днямъ звонили къ исповѣди и покаянію.

Судъ помѣстился въ зданіи Земской Управы, въ большомъ залѣ, гдѣ висѣлъ огромный портретъ императора, въ массивной золотой рамѣ, и стоялъ длинный столъ, покрытый краснымъ сукномъ съ золотыми кистями.

Публики въ судъ собралось множество. Всѣ уѣздныя дамы явились послушать интересный

процессъ, основанный на страсти и любви, ревности и измѣнѣ. А главное, посмотрѣть на героевъ. Говорили, что Захаръ очень интересенъ, а Глафира — прямо-таки красавица.

Заль былъ совершенно переполненъ и являлъ пеструю картину дамскихъ туалетовъ, офицерскихъ мундировъ и чиновныхъ сюртуковъ. Въ заднихъ рядахъ солидно возсѣдало купечество. Простонародья совсѣмъ не было, такъ какъ не хватило мѣстъ для всѣхъ желающихъ, и публику пускали по билетамъ, что было большой новостью, породившей много интригъ, обидъ, ссоръ и ядовитыхъ обвиненій въ лицепрятіи.

Царило большое оживленіе и стоялъ сплошной гулъ голосовъ. Были сторонники оправданія и сторонники обвиненія, и между ними не прекращались горячіе споры вплоть до выхода суда, такъ что даже знаменитое «Судъ идетъ!» не всѣ разслышали, и судьи заняли свои мѣста подъ медленно затихающій шумъ, похожій на шумъ прибоа. Впрочемъ, скоро всѣ успокоились, и въ залѣ наступила самая торжественная тишина.

— Введите подсудимаго!

Къ сожалѣнію, публика была разочарована въ самомъ началѣ: Глафира на судъ не явилась, а Захаръ, хотя и былъ недурень, съ купеческой точки зрѣнія, но въ тюрьмѣ страшно исхудалъ, почернѣлъ и обросъ бородой. На всѣ вопросы онъ отвѣчалъ, не подымая глазъ, глухо и вяло, точно спросонья.

Среди дамъ пронесся капризно-недовольный шорохъ, и въ концѣ концовъ все вниманіе было сосредоточено на пріѣзжемъ адвокатѣ. Это была губернская знаменитость, а въ городкѣ ника-

кихъ знаменитостей не водилось, надо полагать, со временъ нашествія Батыя.

Адвокатъ былъ представительный господинъ, съ сѣдѣющей бородкой и прекрасными умными глазами. У него оказалась престранная привычка; ежеминутно подергивать носомъ, точно онъ все все время быстро обнюхивалъ все окружающее. Говорилъ онъ очень увѣренно, даже развязно, а голось у него былъ пріятный, почти вкрадчивый.

Первая стадія процесса: чтеніе обвинительнаго акта, приводъ къ присягѣ и допросъ свидѣтелей, была неинтересна. Свидѣтели, все сѣрый народъ, показывали то же, что давно было всѣмъ извѣстно.

Въ общемъ, картина, нарисованная обвинительнымъ актомъ и опросомъ свидѣтелей, была такова, что сторонники оправданія даже сконфузились. До того все было просто и ясно, такъ было очевидно, что Захаръ убилъ брата, что весь процессъ превратился въ пустую формальность, съ заранѣе предрѣшеннымъ концомъ.

Нѣкоторое оживленіе обнаружилось въ публикѣ только передъ преніемъ сторонъ, да и то больше съ точки зрѣнія спортивной: ждали, конечно, рѣчи защитника, знаменитости, но къ общему удивленію оказалось, что рѣчь прокурора гораздо значительнѣе.

Да и въ допросѣ свидѣтелей пріѣзжей защитникъ не проявилъ особаго искусства: онъ шелъ избитымъ путемъ, ироническими выпадами стараясь подорвать довѣріе къ точности свидѣтельскихъ показаній.

Такъ, напримѣръ, кухарку съ хутора, очень развязную и рѣчистую бабенку, онъ спросилъ:

— Значить, свидѣтельница, вы тогда же, какъ только взглянули на обвиняемаго, такъ сразу и увидѣли, что онъ брата убилъ?

— Такъ и увидѣла!

— Что же, у него такое «особое выраженіе на лицѣ» было, что ли?

— Извѣстно, было! — не смущаясь, отрѣзала бабенка.

— Мастерца же вы читать на лицахъ! — замѣтилъ защитникъ. — А не можете ли вы, все-таки, объяснить намъ: какое такое выраженіе бываетъ у человѣка, который брата убилъ?

Бабенка вопроса не поняла и молчала.

— Тэк-съ!.. А скажите, пожалуйста, вотъ вы изволили говорить, что обвиняемый всегда обращалъ на васъ какое-то особенное вниманіе... Въ чемъ, собственно, выражалось это особое вниманіе?

Бабенка взглянула на адвоката, покосилась на публику и сконфузилась. Въ публикѣ послышался смѣхъ.

— Вы говорите, что онъ тогда, противъ обыкновенія, ничѣмъ своего особаго вниманія къ вамъ не проявилъ... — въ самомъ игривомъ тонѣ продолжалъ защитникъ, — а вы чего, собственно, ожидали? Чтобы онъ васъ ущипнулъ, что ли?

Въ публикѣ загоготали.

Въ такомъ же тонѣ вель защитникъ всѣ опросы, и серьезное отношеніе проявилъ впервые только въ вопросѣ о ружьѣ.

Свидѣтели показали, что ружье было отнято у подсудимаго во время ночной драки между братьями, но куда оно потомъ дѣвалось, никто не могъ вспомнить.

— Должно, куфарка въ чуланъ тогда спрятала, — въ видѣ догадки, высказалъ одинъ изъ работниковъ.

Защитникъ прицѣпился къ этому, но, несмотря на всѣ старанія, фактъ этотъ съ должной достоверностью подтвердить не удалось. А между тѣмъ, всѣмъ было ясно, что, если бы ружье, дѣйствительно, находилось въ чуланѣ, то Захаръ никоимъ образомъ не могъ бы имъ завладѣть, оставаясь незамѣченнымъ: въ чуланъ можно было попасть только или черезъ кухню, гдѣ ужинали работники, или по корридору, гдѣ въ это время приготовляла себѣ постель на ночь дѣвка прислуга, и притомъ — мимо открытой двери въ комнату мамы, которая еще не ложилась.

Затѣмъ очень долго и обстоятельно разбирался вопросъ, могъ ли Захаръ пѣшкомъ добраться до города и вернуться къ разсвѣту?

Кучеръ показалъ, что оставилъ Захара часовъ въ девять, а кухарка встрѣтила его на дворѣ въ четыре часа утра.

— Итого, прошло семь часовъ... высчиталъ защитникъ, при чемъ многіе изъ публики тоже считали по часамъ и на пальцахъ. — До города двадцать шесть верстъ... туда и обратно — пятьдесятъ двѣ!.. Значитъ, если даже не считать времени, потребнаго на то, чтобы добыть ружье и подстеречь жертву, обвиняемый долженъ былъ бы бѣжать, не переводя духу, со скоростью около восьми верстъ въ часъ... Это скорость недурной крестьянской лошади, бѣгущей рысью. Но и лошадь не можетъ пробѣжать подрядъ пятьдесятъ двѣ версты.

Это былъ мастерской ударъ, и въ публикѣ было замѣтно движеніе. Даже судьи переглянулись.

Сторонники Захара возликовали. Не проявили никакого оживленія только присяжные засѣдатели, во главѣ съ купцомъ Милославскимъ.

Къ сожалѣнію, тотъ же старый кучеръ испортилъ все впечатлѣніе.

— Двадцать шесть верстъ это по большаку считается, въ объѣздъ... А ежели взять напрямки, черезъ бродъ, то и восемнадцати не наберется... Я самъ сколько разовъ хаживаль.

Тутъ вмѣшался прокуроръ и обратилъ вниманіе присяжныхъ на то, что Захаръ, разстроенный и возмущенный рассказомъ кучера объ истязаніяхъ, которымъ подверглась его любовница, былъ въ состояніи крайняго нервнаго возбужденія, а потому, очень можетъ быть, что и бѣжалъ, дѣйствительно, всю дорогу. По указанному же кучеромъ направленію, правда, нужно было идти черезъ пахотныя поля, мелкія болотца и рѣчной бродъ, хотя и не глубокой. Извѣстно же, что Захаръ вернулся страшно запыленный, грязный и усталый.

Все это до очевидности вытекало одно изъ другого, и многимъ изъ публики показалось, что они, какъ живого, видятъ этого братоубійцу, темной ночью, безъ шапки, съ блуждающими глазами, со злобой въ душѣ и съ печатью Каина на челѣ, бѣгущаго черезъ поля и болота.

Вопросъ о разстояніи былъ похороненъ, хотя защитникъ и пытался доказать, что, во-первыхъ, путь прямикомъ никѣмъ еще не измѣренъ, а во-вторыхъ, даже и тридцать шесть верстъ — разстояніе, врядъ ли возможное для такого короткаго времени, принимая во вниманіе, что человекъ не лошадь и безъ перерыва бѣжать не можетъ.

— Кромѣ того, самое убійство произошло въ одиннадцать часовъ, а слѣдовательно, добѣжать собственно до города обвиняемый долженъ былъ бы въ два часа...

Когда перешли къ вопросу, что именно крикнулъ Климъ Ивановичъ передъ смертью? Свидѣтели повторили, что онъ выкрикнулъ имя Захара.

— Скажите, свидѣтельница, — спросилъ, между прочимъ, защитникъ кухарку: вы очень испугались, когда услышали выстрѣлъ?

— Такъ испужалась, что даже въ глазахъ потемнѣло... Тарелку я тогда держала, такъ тарелка и покатила!

— Какая же мысль прежде всего пришла вамъ въ голову? Что вы подумали?

— Такъ и подумала, что навѣрное это Захаръ Ивановичъ Клима Ивановича до смерти убилъ!

— Такъ сразу и подумали?

— Въ тую же минуточку. Такъ, вотъ, точно меня озарило.

— Еще раньше, чѣмъ крикъ услышали?

— Еще раньше.

Дѣвка, спавшая въ корридорѣ, оказалась форменной дурой и отъ нея ничего нельзя было добиться, кромѣ того, что она очень «испужалась».

— Почему вы думаете, что Климъ Ивановичъ про брата кричалъ? — спросилъ защитникъ ту дѣвку, которая сидѣла за воротами съ любовникомъ-солдатомъ.

— Всѣ о томъ говорили, ну, я и подумала.

Самому старшему и толковому изъ работниковъ защитникъ задалъ вопросъ:

— Скажите, свидѣтель, могъ ли Климиъ Ивановичъ думать, что со стороны брата ему угрожаетъ какая-нибудь опасность? Не выражалъ ли онъ какихъ-нибудь опасеній на этотъ счетъ?

Работникъ подумаль.

— Пожалуй, что и выражалъ. Допрежь того Климиъ Ивановичъ безъ всякой опаски были, а опосля, значить, раздора промежь нихъ, сталъ требовать, чтобы я калитку аккуратно на ночь запиралъ и безпремѣнно въ кухнѣ находился. Должно такъ, что боялся. Да оно и нельзя было, потому Захаръ Иванычъ человѣкъ бѣшенный, ндравный! У нихъ въ роду всѣ такіе. Въ тѣ поры, какъ у нихъ драка была, не отними мы ружье — убилъ бы нипочемъ!..

Другой работникъ, помоложе, вспомнилъ, какъ дня за два до убійства кто-то изъ за забора кинулъ камнемъ въ Клима Ивановича. Работники знали, что это кинулъ идиотъ-Петенька, не любившій брата за жестокое обращеніе, а послѣ изгнанія своего всегдашняго покровителя Захара и истязанія своей любимицы Глафиры окончательно возненавидѣвшій Клима Ивановича. Но самъ Климиъ Ивановичъ тогда подумаль другое: онъ потемнѣлъ лицомъ, съ особой стремительностью кинулся на улицу и, не найдя тамъ никого, сумрачно сказалъ:

— Это Захаръ!..

А послѣ того весь вечеръ былъ мраченъ и оглядывался по сторонамъ при малѣйшемъ шумѣ.

— Чисто волкъ травленный! — сказалъ работникъ.

Такимъ образомъ защитнику удалось установить два обстоятельства: первое, что Климиъ Ива-

новичъ боялся нападенія со стороны брата, а второе, что первой мыслью всѣхъ, услышавшихъ выстрѣлъ, была мысль о Захарѣ.

На этомъ допросъ свидѣтелей закончился, и послѣ перерыва приступили къ преніямъ сторонъ.

XII.

— Господа присяжные засѣдатели, — началъ прокуроръ, — передъ нами страшное, но, увы, слишкомъ обычное для русской жизни дѣло!.. Нашъ народъ темень и дикъ!.. Русская литература идеализировала его, она дала ему имена народа-Богоносца и Богоискателя, но если второе имя справедливо, постольку, поскольку самому дикому человѣку свойственно исканіе какого-нибудь Бога, то первое ничѣмъ не оправдывается, ни въ прошломъ, ни въ настоящемъ русскаго народа. Вся русская исторія есть исторія безсмысленныхъ и беспощадныхъ бунтовъ, жестокихъ завоеваній, кровавыхъ царей, монастырскаго изуверства... Русскій народъ даже вовсе не религіозенъ, онъ только суевѣренъ. Сущность той религіи, которую онъ, якобы, носить, ему непонятна и чужда. Правда, онъ говоритъ иногда «Христось терпѣль и намъ велѣль!», но личность Христа и высокій смыслъ его ученія ему непонятенъ. Онъ крѣпче вѣритъ въ Параскеву-Пятницу, въ дурной глазъ, въ мощи, въ лампадки, во всю, такъ сказать, идолопоказную сторону религіи, чѣмъ въ ея суть. Русская баба, по выраженію гениальнаго русскаго художника, плачетъ, когда въ церкви слышитъ «аще и дондеже», но именно

потому и плачетъ, что она ничего не понимаетъ!.. Пока еще не поздно, пока не восторжествовали тѣ политическія ученія и партіи, которыя, съ преступнымъ легкомысліемъ, возлагаютъ надежды на какую-то народную правду, мы должны признать, что ничего особеннаго въ нашемъ народѣ нѣтъ, что онъ, какъ и всякій дикій, сотни лѣтъ пребывающій въ полномъ невѣжествѣ народъ, попросту орда дикарей, идеаломъ которыхъ всегда была только анархическая свобода, свобода грабежей и насилія!.. Быть можетъ, скоро наступитъ время, когда всѣ мы убѣдимся въ этомъ, когда призывъ къ откровенному грабежу взбаламутитъ все это дикое море и кровь дохлестнетъ до самаго неба, къ ужасу и удивленію Европы и всего цивилизованнаго міра. Да, мы дикари... Драки, грабежи, насилія, самосуды и убійства это наши исконныя бытовыя явленія. Зеленный змій и красный пѣтухъ — наши домашнія животныя!.. Мы дикари, и слѣдъ азіатчины еще не сошелъ съ нашихъ лицъ и нашихъ душъ: мы скуласты и узкоглазы, наши страсти порывисты и неудержимы. Только подлинно русскій поэтъ съ такимъ пафосомъ могъ воскликнуть:

Коль любить, такъ безъ разсудку,
Коль грозить, такъ не на шутку,
Коль ругнуть, такъ сгоряча,
Коль рубить, такъ ужъ сплеча!

Мы ни въ чемъ не знаемъ удержа и мѣры. Наше религіозное чувство выливается въ сектантское изуверство; идея переходитъ въ фанатизмъ и догму; политическая борьба выражается въ кровавомъ террорѣ и свирѣпой диктатурѣ; нашъ

идеаль свободы — анархія; наша литература — или гордое пророчество на весь міръ, или срамное самооголеніе и самобичеваніе; наша пѣсня — или дикій стонъ, или дикій цыганскій разгуль; наши народные герои — или Стеньки Разины да Пугачевы, или безтѣлесные старцы Серафимы, единымъ сухарикомъ спасающіеся; наши изобрѣтенія — кнутъ да вериги; наше веселье — пьяный угаръ; наша любовь — или самопожертвованіе, или истязаніе!.. Въ порывѣ страсти мы рушимъ все, все топчемъ въ грязь — и честь, и семью, и собственное я. Наши дѣвушки не невинны, наши жены не вѣрны, но не потому, что онѣ испорчены и развратны, а потому, что, полюбивъ, ничего не щадятъ и ничѣмъ не дорожатъ!.. Несчастныя любовницы заполняютъ наши монастыри, а незадачливые любовники или пускаютъ себѣ пулю въ лобъ, или идутъ съ ножомъ!.. Мы всѣ безшабашны, распутны, игроки, моты, кутилы и пьяницы, и самые культурные верхи не уступаютъ въ разгулѣ самымъ темнымъ низамъ народнымъ. Отъ великолѣпнаго «Яра» до послѣдняго «Краснаго шинка», вся Россія полна кабаками. Если наши деревенскіе рекруты, идя на патріотическій подвигъ, попутно разбиваютъ кабаки, то и наша гордость, наша надежда — учащая молодежь, въ день праздника просвѣщенія, съ пѣніемъ «Gaudeamus» громить публичные дома!.. И опять-таки не потому, чтобы мы были народомъ-хулиганомъ, народомъ растлѣннымъ, неспособнымъ ни къ чему, кромѣ разрушенія. . . О, нѣтъ! Мы даровиты, мы умны, мы спосібны на великіе подвиги и великія откровенія, но прежде всего — дикари!.. Какъ дикари, мы лишены задержи-

вающихъ центровъ, мы не владѣемъ нашими страстями, мы широки, какъ наши родныя степи, хаотичны, какъ наши дремучіе лѣса. Въ насъ таятся великія силы, но мы не умѣемъ ими пользоваться и онѣ сокрушаютъ насъ самихъ. Какъ правы тѣ государственные умы, которые, вопреки воплямъ нашей радикальствующей прессы, тысячи разъ повторяли и повторяютъ, что русскій народъ нуждается еще въ опекѣ и крѣпкой власти. Горе будетъ намъ, когда изсякнетъ эта власть, спасающая насъ отъ насъ же самихъ, и мы очутимся на полной своей волюшкѣ!.. Какъ дѣти, играющіе съ огнемъ, мы сождемъ до тла свою несчастную родину, все сметемъ, все уничтожимъ, потеряемъ всякую перспективу, зададимся цѣлями недостижимыми, погрузимся въ міръ утопій и проснемся нищими, голодными, разоренными, потерявшими все свое и самихъ себя!..

Вы спросите меня: относится ли все это къ тому дѣлу, которое мы разбираемъ здѣсь?.. Да... Вотъ передъ нами, на скамьѣ подсудимыхъ, одинъ изъ типичныхъ сыновъ великой, дикой Россіи, купеческій сынокъ, настоящій русскій удалой-добрый молодецъ, Захаръ Дикой!.. Этими добрыми молодцами полна наша родина... У нихъ не только шапка, у нихъ и мозгъ набекрень! У нихъ — раззудись плечо, размахнись рука, у нихъ ширь и размахъ, у нихъ страсть и удаль!.. Ими полна вся страна... они наводняютъ литературу, они организуютъ политическія партіи, и они только ждутъ момента, чтобы показать всему міру свою непомѣрную удаль, свой безграничный размахъ!.. И они покажутъ!.. Дрогнетъ міръ и

въ ужасѣ отшатнется культурная Европа: Захаръ Дикой идетъ!.. О, какъ символична эта, чисто русская, фамилія — Дикіе!.. Подлинно — дикіе!.. Только у насъ могутъ создаваться такіе типы, такія семьи. Позвольте рассказать исторію этого рода: дѣдъ ихъ держалъ постоянный дворъ на большой дорогѣ и грабилъ проѣзжихъ, врядъ ли брезгая убійствомъ. Отецъ сжалъ всю округу въ кулакѣ, жертвовалъ на церкви, но дралъ съ живого и мертваго. Сыновья пошли по той же дорогѣ, по дорогѣ грабежа, обмана и обсчета. Ихъ капиталъ зародился въ крови и грязи, и кровь легла на весь родъ, отлившись на третьемъ поколѣніи. Мы застаемъ семью уже безъ главы. Въ домѣ живутъ мать, три сына и жена одного изъ нихъ. Мать — ханжа и скряга. Она жжетъ лампадки, копить деньги и съ утра до вечера поѣдомъ ѣстъ сыновей и безотвѣтную невѣстку. Старшій сынъ — самодуръ, кулакъ и истязатель, челоуѣкъ темныхъ страстей и тяжелыхъ чувственныхъ переживаній. Средній — весельчакъ и балагуръ, которому и своя жизнь — грошъ, и чужая душа — копѣйка. Онъ кутила, мотъ и развратникъ. Младшій, достойный отпрыскъ достойнаго рода, идіотъ... Недаромъ и отецъ и мать считали его Божескимъ наказаніемъ!.. Ихъ жизнь проходитъ въ грабежѣ, ханжествѣ, пьянствѣ, и свирѣпомъ удовольствованіи своихъ темныхъ инстинктовъ, которымъ они, какъ истые Дикіе, не знаютъ удержа. Это жизнь дикарей, а сколько такихъ семей, сколько милліоновъ людей въ Россіи живутъ такъ же, безъ цѣли, безъ идеаловъ, безъ руководящихъ принциповъ, безъ сознанія... И пусть не говорятъ мнѣ, что эта

семья принадлежит къ какому-то особому классу, такъ называемыхъ кулаковъ, представителей «темнаго царства». Нѣтъ, такихъ же Дикихъ мы встрѣтимъ и въ особнякѣ на Англійской Набережной, въ камергерскомъ мундирѣ и съ громкой княжеской фамиліей, и въ глухой деревнѣ, въ сермягѣ, и въ рабочемъ подвалѣ, въ рабочей блузѣ столь воспѣтаго носителя новой культуры — пролетаріата!.. Чтобы не быть голословнымъ, я могъ бы привести вамъ сотни процессовъ, на которыхъ выступали то лощенные фрэнты Невскаго проспекта, то представители буржуазной интеллигенціи, вродѣ разныхъ Прасоловыхъ и Недоносковыхъ, то крѣпкіе деревенскіе снохачи, то заколачивающіе на смерть нелюбимыхъ женъ кряжистые, суровые рабочіе. Ибо всѣ они и прежде всего — русскіе!.. Но это слишкомъ отвлекло бы насъ. Возвращаюсь къ семьѣ Дикихъ.

Приходитъ время, старшій сынъ женится, и въ домѣ появляется новое лицо. Молодая женщина красива, грубой, чувственной, русской красотой, красотой дикарки и героини русскихъ пѣсень: у нея коса до пятъ, походка павы, шея лебединая, а душа... душа дикой кобылицы! Она выходитъ замужъ безъ любви, просто потому, что вошла въ возрастъ, созрѣла для чувственныхъ наслажденій и ей «пора замужъ»!.. Увы, девяносто девять изъ ста русскихъ женщинъ до сихъ поръ выходятъ замужъ или дѣлаются любовницами совершенно такъ же. Развѣ дикари могутъ сочетаться иначе? Она входитъ въ домъ, эта роковая Глафира, одурманившая мужа-дикаря своей дикой прелестью, входитъ, глядя величаво кругомъ, въ сознани

власти своего молодого, красиваго, здороваго тѣла. Входить безъ мысли о какомъ-либо долгѣ, о какихъ-либо обязанностяхъ. Какъ прабабка ея, захваченная въ полонъ какими-нибудь половцами, на другой же день послѣ похищенія осушаетъ слезы и варить пищу въ половецкой кибиткѣ, такъ и эта современная русская дикарка принимается за свои новыя обязанности равнодушно и тупо. Она отдается мужу, котораго не любитъ, потому что такъ законъ велить, но ея дикія ноздри раздуваются, когда она смотритъ на рослаго, уда-лого молодца, брата своего мужа. Захаръ Дикой не женатъ, онъ предпочитаетъ вольный разгуль, и его любимая пѣсня:

Сваха говорливая, не ходи ко мнѣ!
Нѣтъ, тебѣ женатаго не видать во мнѣ!
Вольной ли свободушки мнѣ себя лишить?
Не могу всѣхъ дѣвушекъ на одну смѣнить!..

При видѣ красивой, чувственно-обаятельной свояченицы, загорается его буйная кровь. Онъ воспитанъ въ ханжествѣ, боится Бога, боится грѣха, но это страхъ дикаря — до перваго случая!.. Коли очень захочется, то и Бога по боку и на грѣхъ наплевать!.. И вотъ — случайный толчекъ, и вспыхиваетъ неудержимая, звѣрская страсть! Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ длится чувственная оргія. Все забыто, все горитъ въ огнѣ страсти. Весь дворъ знаетъ объ ихъ связи, но они ничего не видятъ, ничего не соображаютъ, думая только о новыхъ объятіяхъ. Захаръ, несомнѣнно, понимаетъ, что если связь ихъ откроется, все полетитъ къ чорту — весь домъ, все счастье и вся жизнь. Но это не останавливаетъ его. Онъ любитъ, онъ

поглощенъ страстью, а тамъ — хоть трава не расти!.. И связь открывается. Въ своемъ любовномъ опьяненіи любовники теряютъ послѣднюю осторожность, чисто по русски валяютъ на авось, и доходятъ до такого самозабвенія, что Глафира осмѣливается ночью уходить отъ мужа въ постель любовника. Съ этого момента катастрофа становится неизбѣжной. Происходитъ дикая, совершенно звѣрская драка между братьями-соперниками. Настоящая драка двухъ дикарей, двухъ самцовъ, надъ растерзанной женщиной, предметомъ ихъ спора... Только случайно драка не окончилась смертью. Захаръ Дикой удаляется, звѣрнѣе, бѣжитъ изъ дому на хуторъ и живетъ тамъ одинъ, снѣдаемый злобой, ревностью и неудовлетворенной страстью. Братъ, бывший, какъ-никакъ, самымъ близкимъ человѣкомъ въ мірѣ, вдругъ становится ему лютымъ врагомъ, ибо онъ сталъ помѣхой его наслажденіямъ. Въ одиночествѣ, наединѣ со своею совѣстью, думаетъ ли онъ о позорѣ, который навлекъ на свою семью, гложетъ-ли его стыдъ за грязь и мерзость своего поступка? Нѣтъ, страсть и только страсть владѣетъ имъ. Видѣніе прелестной Глафиры неотступно! День и ночь онъ думаетъ только объ ея прелестяхъ. Онъ пробуетъ пить (характерный русскій способъ искать забвенія!), пробуетъ забыть обольстительницу въ грубыхъ объятіяхъ хуторскихъ бабъ, но все напрасно!.. Какъ звѣрь, мечется онъ по хутору, не находя себѣ мѣста, и работа валится у него изъ рукъ... Можно съ увѣренностью сказать, что ни разу ему не пришло въ голову искать выходъ въ чистосердечномъ признаніи своего проступка и въ новой, чистой,

трудоу жизни. Нѣтъ, скорѣе онъ думалъ о петлѣ на шею или о монастырѣ!.. И вотъ, пріѣзжаетъ изъ города старикъ-кучеръ, который рассказываетъ ему объ истязаніи Глафиры, о томъ, что мужъ заставилъ ее снова жить съ собою, и что она примирилась съ этимъ!.. Культурный человекъ съ презрѣніемъ отвернулся бы отъ этой женщины — рабыни и самки, но русскій человекъ рассуждаетъ иначе: что ему душа женщины? Ему нужно только тѣло, а это тѣло такъ обольстительно!.. Развѣ дикарю доступна моральная брезгливость?.. У насъ сплошь и рядомъ женятся на проституткахъ и швыряютъ свою жизнь подъ ноги цыганки изъ хора, а въ простомъ быту дѣло обычное — жениться на дѣвкѣ съ ребенкомъ или примириться съ появленіемъ въ семьѣ явно незаконнаго дитяти. Тамъ это еще проще: вырастетъ — работникъ будетъ!.. Да, такъ Глафира уже забыла о немъ? Она вернулась къ мужу?.. Надо презирать ее, скажете вы?.. Отнюдь нѣтъ: надо отомстить!.. И не ей, виновной съ головы до ногъ, а ни въ чемъ неповинному мужу, ибо мужъ помѣха!.. Вотъ выводъ дикаря!.. Едва выпроводивъ кучера, Захаръ Дикой хватаетъ ружье и безъ шапки, весь охваченный жаждой мести и крови, ночью бѣжитъ черезъ поля, лѣса и болота, чтобы убить!.. Убить и больше ничего, ибо дальнѣйшее ему даже и не представляется. Вѣдь, дикари неспособны къ логическому развитію своихъ идей. Когда онъ достигаетъ дома, тамъ уже ложатся спать... Онъ видитъ освѣщенное окно и брата, полураздѣтаго, готоваго лечь въ постель. А въ постели — Глафира!.. Онъ знаетъ это, и кровь кидается ему въ голову... Сколько времени

понадобилось убійцѣ простоять подь окномъ, выжидая удобнаго момента, кто знаетъ?.. Свидѣтели показываютъ, что Климъ Дикой долго не ложился, ходилъ по комнатѣ и даже раза два выходилъ въ корридоръ, одинъ разъ, чтобы отдать какое-то распоряженіе на завтрашній день, а въ другой, чтобы напиться воды. Была черная, предгрозовая ночь. Быть можетъ, убійца простоялъ полчаса, часъ... и за это время не опомнился, въ немъ не шевельнулась даже тѣнь раскаянія, не пробудилось сознание, что передъ нимъ — братъ его!.. Нѣтъ, страсть отуманила его голову... Съ упорствомъ дикаго звѣря онъ терпѣливо подстерегаетъ свою жертву. Наконецъ, удобный моментъ насталъ, выстрѣлъ грянулъ, и сраженный братъ падаетъ, едва успѣвъ назвать своего убійцу, котораго онъ, конечно, узналъ, при блескѣ выстрѣла... Тогда наступаетъ мгновенное и страшное отрезвленіе. Люди безудержныхъ страстей всегда слѣпо идутъ впередъ, не думая ни о чемъ, кромѣ удовлетворенія своей страсти или выполненія своей идеи. Но какъ только цѣль достигнута, сознание ихъ мгновенно пробуждается, и только тогда они съ ужасомъ видятъ, что надѣлали... Слыша голоса людей и лай собакъ, разбуженныхъ выстрѣломъ, Захаръ Дикой опрометью бѣжитъ прочь. Не отъ страха, не ради спасенія, а просто — прочь, подальше отъ страшнаго мѣста убійства, весь ужасъ котораго вдругъ озаряетъ его мозгъ, какъ молнія!.. Онъ даже не пытается скрыть слѣдовъ, оставляя на мѣстѣ ужасную улику — ружье, не заботясь о томъ, чтобы привести свой костюмъ въ порядокъ, не стараясь вернуться на хуторъ такъ, чтобы его

ночное отсутствіе осталось незамѣченнымъ. На хуторѣ, конечно, ничего не знали, и была полная возможность выйти на другой день изъ своей комнаты съ видомъ человѣка, мирно проспавшаго ночь и ничего не подозрѣвающаго о случившемся. Но Захаръ Дикой о спасеніи и не думаетъ. Онъ самъ выдаетъ себя съ головой: какъ звѣрь, забивается въ уголь, цѣлый день ничего не ѣстъ и на вопросы не отвѣчаетъ. Кровавый туманъ уже окончательно слетѣлъ съ него, ужасъ содѣянаго стоитъ передъ нимъ во весь ростъ, совѣсть терзаетъ его!.. Что ему тюрьма, каторга, позоръ!.. Люди страсти изъ одной крайности впадаютъ въ другую: сначала преступленіе, потомъ покаяніе. Всѣ русскіе убійцы кончаютъ постомъ и веригами. Не даромъ гениальный поэтъ, великій знатокъ русской души, сказалъ о русскихъ разбойникахъ и убійцахъ, что

У каждаго есть совѣсть,
Она проснется въ черный день!

Да, сначала безшабашный, безоглядный разгулъ страстей, потомъ неразрѣшимый узелъ запутавшейся въ конецъ жизни, потомъ преступленіе, потомъ или самоистребленіе или покаяніе!.. Другихъ путей не знаетъ русская душа, и Захаръ Дикой съ поразительной точностью совершаетъ этотъ кругъ. Ему — здоровяку, весельчаку и распутнику, весь смыслъ жизни полагавшему въ достиженіи женскихъ прелестей, смерть страшна, преступленіе легче... Онъ выбираетъ преступленіе. Но совершивъ его, сейчасъ же и падаетъ духомъ. О, теперь онъ покорно понесетъ крестъ

возмездія. Обратите вниманіе, какъ вяло и равнодушно относится онъ къ ходу своего дѣла. Правда, онъ отрицаетъ свою вину, но дѣлаетъ это совершенно машинально, для проформы... «Я брата не убиваль!» — вотъ и все!.. Ему уже все равно: пусть думаютъ, что хотятъ, пусть сажаютъ въ тюрьму, ссылаютъ на каторгу... Судъ проснувшейся совѣсти ему страшнѣе!.. Онъ весь ушелъ въ себя, къ той тайной казни, которая совершается и совершится въ душѣ его. Его безудержная душа нынѣ впадаетъ въ новый восторгъ — восторгъ самобичеванія!.. Жизнь потеряла для него всякій интересъ. Онъ даже не желаетъ видѣть ту, ради которой пошелъ на тяжкій грѣхъ братоубійства и погубилъ себя. О, конечно, будь онъ невиновенъ, все было бы по другому: несправедливое обвиненіе привело бы его въ ужасъ и возмущеніе. Онъ рвался бы изо всѣхъ силъ доказать свою невинность и ужъ, конечно, приложилъ бы всѣ усилія, чтобы выйти на свободу, гдѣ ждетъ его отнынѣ свободная, любящая и любимая женщина. Не лежала бы между ними кровь убитаго, если бы не онъ убилъ!.. Тогда смерть брата была бы просто несчастіемъ, пусть и очень тяжелымъ, но все же освободившимъ ихъ для радостей любви... Не бывать бы счастьемъ, да несчастье помогло!.. Но такъ какъ убилъ именно онъ самъ, то картина мѣняется: свобода не обѣщаетъ ему радости, призракъ убитаго имъ брата пойдетъ за нимъ по пятамъ, и какъ станетъ онъ кровавыми руками обнимать свою возлюбленную?.. Нѣтъ, отнынѣ между ними все кончено... Мало того, будь онъ невиненъ, развѣ таковымъ было бы отношеніе къ нему со стороны матери и

любовницы?.. Въ этой средѣ мать — тигрица: она рвала бы и метала, стараясь вырвать сына изъ рукъ тюремщиковъ, она обивала бы всѣ пороги, она не отходила бы отъ воротъ тюрьмы... О любовницѣ и говорить нечего! На дѣлѣ ничего этого нѣтъ: обѣ онѣ, все-таки и прежде всего, женщины простыя, по своему религіозныя... Онѣ подавлены, растеряны, но онѣ знаютъ, что онѣ совершилъ тяжкій грѣхъ, и по ихъ понятіямъ — долженъ понести кару!.. Мать по цѣлымъ днямъ молится за него, любовница носить ему въ тюрьму «гостинцы», но для нихъ это уже не сынъ и любовникъ, а «несчастненькій» грѣшникъ, впавшій въ руки Бога Живого!.. И вотъ онѣ покорны судьбѣ и молчатъ»!..

Посвятивъ еще нѣсколько словъ разбору прямыхъ уликъ и заранѣе отпарировавъ нѣкоторые, возможные со стороны защиты, доводы, прокуроръ закончилъ свою рѣчь:

— Вотъ передъ вами вся картина преступленія въ ея логическомъ развитіи. Она ясна!.. Она написана на лицахъ всѣхъ участниковъ процесса. И если бы даже не было всѣхъ этихъ подавляющихъ, непровержимыхъ доказательствъ — ружья, ночного отсутствія, костюма, свидѣтельствующаго о пройденномъ пути, и предсмертнаго вопля жертвы, назвавшей своего убійцу по имени, — я все-таки сказалъ бы: убійца здѣсь, онѣ передъ вами, на скамьѣ подсудимыхъ!.. Судите же его!.. Судите, въ его лицѣ, всю дикость, безшабашность, распущенность и безалаберщину духовную, отъ которой погибаетъ и быть можетъ вскорѣ погибнетъ Россія!..

ХІІІ.

Послѣ рѣчи прокурора былъ перерывъ, во время котораго залъ и корридоры суда превратились во взволнованное море. Публика разбилась на группы, въ центрѣ которыхъ закипѣли страстные споры. Было похоже на то, что рѣчь прокурора вдругъ всѣмъ открыла глаза, показавъ никѣмъ раньше не подозрѣвавшіяся глубины этого банальнаго процесса.

Въ томъ, что убилъ именно Захаръ, никто уже не сомнѣвался, да и сомнѣваться было невозможно. Картина, нарисованная прокуроромъ, была такъ ясна, какъ будто бы онъ читалъ въ душахъ участниковъ процесса, какъ по открытой книгѣ. Многіе мѣста его рѣчи возбудили мысли, далеко выходящія за предѣлы даннаго процесса и отодвинувшія вопросъ о личной судьбѣ Захара на второе мѣсто. Въ то время русское общество переживало исключительный моментъ, въ связи съ неудачной войной и назрѣвающей революціей, а потому психологія русской души многихъ поразила и потрясла. Съ особеннымъ удовольствіемъ повторяли отдѣльныя фразы, на примѣръ, о томъ, что «русскій народъ не религіозенъ, онъ только суевѣренъ», что «драки, убійства и насилія — наши исконныя бытовыя явленія», что «красный пѣтухъ и зеленый змій — наши домашнія животныя», что «русскіе убійцы кончаютъ постомъ и веригами», что «наша свобода — анархія, а политическая борьба — либо терроръ, либо свирѣпая диктатура» и въ особенности, что «можетъ быть, близко то время, когда откровенный призывъ ко всеобщему гра-

бежу всколыхнетъ это дикое море», русскій народъ!..

— Да, батенька мой! Ахнетъ Европа! Ахнетъ!..

— Да, наша свобода — анархія, наши идеи — фанатизмъ, наша борьба — бомбы, терроръ и диктатура!.. — повторяли въ публикѣ. — Погодите, они еще покажутъ вамъ, эти «дикіе»!.. Какая тутъ, къ чорту, свобода!.. Развѣ въ государствѣ, гдѣ населеніе на девяносто процентовъ состоитъ изъ Захаровъ и Глафиръ, возможно ожидать гражданскаго самосознанія!.. Ну, и будетъ анархія!.. Сведутъ счеты, только и всего!..

Были, конечно, и такіе, больше изъ самой зеленой молодежи, во главѣ которой горячился преподаватель русской словесности изъ мѣстной прогимназіи, социаль-демократъ большевикъ, которые яростно бранили прокурора «черносотенцемъ» за его упоминаніе о государственныхъ умахъ и за отождествленіе съ дикой личностью Захара всего нашего великаго русскаго народа, а наипаче нашего замѣчательнаго пролетаріата.

— Я не спорю: что касается буржуазнаго общества, онъ, конечно, правъ. Это общество разлагается, но пролетаріатъ!..

— И замѣтте: на Юсупова намекнулъ, Прасолова и Недоноскова прямо назвалъ, снохачей даже упомянулъ, а какъ дошло до пролетаріата, такъ и замаялъ... тоже, моль, и пролетаріатъ!.. Хе-хе!..

Но въ общемъ, впечатлѣніе было большое, и уже всѣмъ было мало интересно, что скажетъ защитникъ въ пользу собственно Захара. Приговоръ казался неизбѣжнымъ.

Защитникъ, присяжный повѣренный Духовецкій, видимо чувствовалъ общее настроеніе, потому что былъ взволнованъ и чаще обычнаго вздергивалъ носомъ. Заговорилъ онъ, тѣмъ не менѣе, увѣренно и не безъ ироніи:

— Господа присяжные засѣдатели, мы слышали талантливую рѣчь, безмѣрно расширившую рамки процесса и распылившую его едва ли не на все пространство нашей необъятной родины!.. Въ связи со многими чаяніями и событіями, эта рѣчь не могла не потрясти многихъ. Можно не соглашаться съ нѣкоторыми, слишкомъ обобщающими чертами въ психологіи русской души, но нельзя отказать моему уважаемому противнику въ смѣлости, яркости и глубинѣ психологическаго анализа. Я съ нимъ спорить не буду... Не потому, чтобы я былъ лично убѣжденъ имъ, а потому, что мы не въ собраніи, а въ судѣ, и я не ораторъ, а защитникъ. Мой долгъ прежде всего помнить о судьбѣ своего кліента, ожидающаго вашего приговора. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, сдѣлать его отвѣтственнымъ за всѣ національные недостатки и покарать, какъ лицо символическое!.. Мы судьи и только судьи, и я готовъ горько упрекнуть обвинителя, что своимъ краснорѣчіемъ онъ отвлекъ наше вниманіе отъ живого, страдающаго человѣка. Насъ не спрашиваютъ о міровыхъ вопросахъ, насъ призвали сюда не для рѣшенія историческихъ задачъ!.. Передъ нами ясно и просто поставленъ частный вопросъ: убилъ ли Захаръ Дикой своего брата, или онъ его не убивалъ?.. А тутъ, вдругъ, говорятъ намъ о русской душѣ, объ Европѣ и Азіи, объ анархіи и веригахъ и прочихъ, безъ сомнѣнія, весьма ин-

тересныхъ предметахъ, у которыхъ одинъ существенный недостатокъ: онѣ имѣютъ очень отдаленное отношеніе къ настоящему процессу!

Въ публикѣ послышался смѣхъ, и защитникъ, удовлетворенный произведеннымъ впечатлѣніемъ, явно разрядившимъ атмосферу, продолжалъ:

— Итакъ, я оставляю въ сторонѣ всѣ общія разсужденія и перехожу прямо къ дѣлу. Убийца или не убійца Захаръ Дикой?.. Я думаю, я увѣренъ, что нѣтъ, и надѣюсь доказать это. Что приводятъ намъ въ доказательство его виновности? Уликъ много, и онѣ распадаются на двѣ группы: собственно уликъ и психологическихъ посылокъ. Что касается уликъ, то вотъ онѣ: ружье, ночное отсутствіе, грязный костюмъ, угрозы убить, «застрѣлить, какъ собаку» и, наконецъ, предсмертный крикъ жертвы, якобы, назвавшей своего убійцу по имени. Улики тяжкія, но всѣ онѣ приобрѣтаютъ вѣсъ только потому, что заранѣе и опредѣленно рѣшено, что убилъ именно подсудимый, а не кто другой. Странно, что во все время процесса и даже на предварительномъ слѣдствіи ни разу не подымался вопросъ: а не могъ ли убить Клина Дикого кто-нибудь другой?.. Сразу и окончательно остановились на подсудимомъ, и всѣ розыски, всѣ экскурсіи въ область психологіи исходили изъ одной точки: убилъ Захаръ Дикой!.. Конечно, если такъ, то все — и ружье, и ночное отсутствіе, и крикъ жертвы — все придается одно къ одному съ точностью отдѣльныхъ кусковъ аккуратно разрѣзанной арбузной корки!.. Но предположите на минуту, что несмотря на всю, якобы, очевидность, убилъ все-таки не Захаръ?.. Вѣдь тогда всѣмъ этимъ деталямъ при-

дется подыскивать другое объясненіе. А развѣ, въ самомъ дѣлѣ, не могъ быть убійцей кто-нибудь другой?.. Вспомните тяжелый характеръ покойнаго, вспомните его жизнь, цѣликомъ основанную на грабежѣ, обманѣ и обсчетѣ, вспомните, что онъ многихъ обидѣлъ, обобралъ и раззорилъ, что со своими рабочими онъ обращался грубо, жестоко и безпощадно!.. Я едва ли ошибусь, предположивъ, что человѣка, котораго ненавидѣлъ даже собственный слабоумный братъ, ненавидѣли еще и очень многіе люди. Кровавая же расправа, дѣйствительно, наше бытовое явленіе... Мы еще не дошли до планомѣрной борьбы съ эксплуататорами и насильниками, и въ этой борьбѣ наше обычное оружіе — кровавый самосудъ!.. Дѣлая, по примѣру прокурора, отступленіе въ сторону, я могъ бы указать на то, что даже наши политическія партіи, въ концѣ концовъ, всегда апеллируютъ къ народной расправѣ!.. Поэтому, не будемъ заранѣе предрѣшать вопросъ о томъ, кто убилъ... Вѣдь мы для того здѣсь и находимся, чтобы разобраться въ этомъ вопросѣ. Разсмотримъ сначала улики, направленные противъ подсудимаго. Изъ нихъ главная — ружье... Но, вѣдь, вопросъ о томъ, гдѣ оно находилось до убійства, совершенно не выясненъ. Прокуроръ опредѣленно и рѣшительно не вѣритъ показанію работника, что ружье было спрятано кухаркой въ чуланъ, какъ не вѣритъ и словамъ кучера, что онъ хотѣлъ захватить это ружье съ собою, да по несчастью забыть... А, вѣдь, если ружье оставалось въ чуланѣ, то никакъ нельзя предположить, чтобы Захаръ Дикой могъ выкрасть его, оставаясь незамѣченнымъ прислугой, кухаркой,

матерью, тремя работниками и самимъ убитымъ, наконецъ, нѣсколько разъ выходившимъ въ корридоръ, гдѣ находится этотъ самый чуланъ. Мало того, ружье было отнято у подсудимаго въ моментъ драки, когда его силой волокли въ комнату, втолкнули туда и заперли... Развѣ въ такую минуту онъ могъ слѣдить за тѣмъ, куда именно спрячутъ ружье?.. Разумѣется, нѣтъ!.. Ему было не до того!.. А слѣдовательно, ему не только пришлось бы выкрасть ружье, но еще и искать-то его по всему дому, все время оставаясь невидимкой для цѣлой толпы народу!.. Абсурдъ!.. Но мѣстонахожденіе ружья не выяснено, пусть... я оставляю ружье въ покоѣ. Перейдемъ къ другому: Захаръ Дикой утверждаетъ, что всю ночь бродилъ по степи, потрясенный разсказомъ кучера объ истязаніи и объ измѣнѣ его возлюбленной... Прокуроръ не вѣритъ ему, но вспомните, каковъ долженъ былъ быть этотъ разсказъ!.. Вспомните, что Захаръ Дикой страстно любилъ эту женщину, которую мужъ полосовалъ жезлами до тѣхъ поръ, пока она не завопила на весь дворъ, какъ «свинья рѣзаная», по выраженію свидѣтеля! Вспомните, что этотъ звѣрь-мужъ, послѣ невѣроятнаго истязанія, глумленія и издѣвательства надъ беззащитной женщиной, заставилъ ее удовлетворять его распаленную мучительствомъ похоть!.. Кого изъ насъ такой разсказъ о любимой женщинѣ не вывелъ бы изъ всякаго душевнаго равновѣсія?.. Я представляю себѣ тѣ терзанія, которыя вынесъ подсудимый, слушая этотъ страшный и безыскусственный разсказъ!.. Прокуроръ полагаетъ, что послѣ этого у него непременно должна была зародиться мысль о крова-

вой мести... Можетъ быть, она и родилась бы у человека, какъ разъ болѣе культурнаго, болѣе свободно и тонко чувствующаго, чѣмъ Захаръ Дикой. Именно потому, что онъ слишкомъ примитивенъ, дикъ и темень, такая мысль не могла ему придти въ голову: вѣдь Глафира — жена его брата, законная жена... Сойдясь съ нею, онъ, по понятіямъ своего круга, совершилъ тягчайшій, смертный грѣхъ... Въ его глазахъ и онъ самъ и Глафира — преступники, грѣшники, и вина ихъ передъ братомъ и мужемъ безмѣрна. Въ порывѣ страсти они преступили нравственный законъ, но возмездіе примутъ, какъ высшую справедливость. Вспомните, какъ покорно приняла истязаніе сама Глафира, какъ никто не пришелъ къ ней на помощь, когда она вопила на весь домъ, какъ старуха Дикая сама подала мужу забытыя имъ возжи... Ибо всѣ они думали одинаково: ежели жена забыла свой супружескій долгъ и опозорила мужа, то должна она претерпѣть!.. А вѣдь Захаръ Дикой — плоть отъ плоти, кость отъ кости этого темнаго круга... Влекомый чувственной страстью, онъ согрѣшилъ съ женой брата, но сознание своей позорной вины передъ нимъ, конечно, было въ немъ совершенно ясно... Да, онъ любилъ эту женщину; да, онъ тосковалъ въ разлукѣ съ нею; да, рассказъ о ея страданіяхъ и ея измѣнѣ перевернулъ ему душу, но у него ни на одну секунду не могло быть сомнѣнія въ правѣ своего брата, какъ оскорбленнаго и опозореннаго супруга, поступать именно такъ, какъ онъ поступилъ... Можно съ увѣренностью сказать, что будь Захаръ на мѣстѣ брата, онъ поступилъ бы такъ же или почти такъ же!.. Собственно, съ потерей любов-

ницы онъ, конечно, примирился: что же, молъ, дѣлать? Такая наша судьба, доля горькая!.. Узнавъ о томъ, что Глафира снова живетъ съ мужемъ, онъ могъ почувствовать чисто тѣлесную ревность, могъ въ тоскѣ не находить себѣ мѣста, но для него это было такъ понятно, такъ неизбежно... Она жена и женой останется!.. Вѣдь, разводовъ и разрывовъ въ этомъ быту не существуетъ, ибо они считаются еще большимъ позоромъ, чѣмъ тайная связь. Ибо сказано имъ: что Богъ сочеталъ, человекъ да не разлучаетъ!.. И вотъ, въ отчаяніи, томимый ревностью и тоской, онъ, какъ потерянный, бродитъ всю ночь по степи, стараясь физической усталостью заглушить душевные муки... Очень можетъ быть, что не разъ онъ кидался на землю и катался по ней въ остромъ припадкѣ отчаянія. Утромъ, измученный, грязный, онъ возвращается домой... Острое страданіе перешло въ глухую боль. Онъ забивается въ уголь, не пьетъ, не ѣстъ, не говоритъ ни съ кѣмъ... Такое душевное оупѣніе, послѣ слишкомъ большихъ нравственныхъ потрясеній, всѣмъ извѣстно... И что можетъ онъ отвѣтить на наивный вопросъ: что вы дѣлали въ степи цѣлую ночь?.. Только, то что онъ и отвѣтилъ: ходилъ!.. Развѣ онъ самъ помнить объ этомъ?..

Я не буду долго останавливаться на угрозахъ Захара убить брата въ ту достопамятную ночь, когда раскрылась измѣна Глафиры... Слишкомъ очевидно, что это угрозы человека, находящагося въ пылу борьбы... Сгоряча онъ схватилъ ружье, сгоряча и кричалъ свое: «убью, какъ собаку!», когда ему не дали выстрѣлить и грубо поволокли прочь... Если бы всѣ такія угрозы приводились

въ исполненіе, то, повѣрьте, на землѣ русской осталось бы слишкомъ мало жителей!..

Что же касается предсмертнаго крика жертвы, то позвольте мнѣ утверждать, что этотъ крикъ вообще ничего не доказываетъ. Во-первыхъ, мы все-таки не знаемъ, что именно крикнулъ покойный. Пусть мы не вѣримъ ближайшей свидѣтельницѣ, Глафирѣ, ибо она, конечно, старается спасти своего возлюбленнаго... Хотя при этомъ я долженъ замѣтить, что это не вяжется со словами прокурора о томъ, что она, какъ и мать Захара, женщины простая, религіозная, покорно принявшія возмездіе... Какая ужъ тутъ покорность, ежели она лжетъ и выгораживаетъ?.. Но не въ этомъ дѣло: остальные свидѣтели утверждаютъ, что убитый явственно выкрикнулъ имя брата... Но вспомните, что Клима Дикой былъ убитъ почти наповаль, что крикнулъ онъ въ предсмертной агоніи... Могъ ли этотъ крикъ быть такъ отчетливъ и членораздѣленъ, чтобы его ясно разобрали даже издалека?.. Конечно, нѣтъ!.. Это былъ дикій вопль человѣка, сраженнаго на смерть. Но пусть даже свидѣтели, дѣйствительно, разобрали въ этомъ воплѣ имя Захара... Вспомните, что послѣ выстрѣла имъ прежде всего пришла въ голову мысль именно о подсудимомъ, что весьма понятно при той атмосферѣ, которая царила въ домѣ передъ убійствомъ. Очень понятно, что въ дикомъ воплѣ убитаго имъ почудилось именно то имя, которое у всѣхъ было на умѣ... Это очень возможно, но я готовъ допустить большее: пусть покойный, дѣйствительно, выкрикнулъ имя брата... Что же это доказываетъ? Что онъ узналъ его при свѣтѣ выстрѣла?.. Ерунда!..

Этого быть не могло, потому что блескъ выстрѣла, направленнаго въ упоръ, ослѣпляетъ жертву, а убійца, въ моментъ выстрѣла, оставаясь по ту сторону источника свѣта, разумѣется, окончательно невидимъ для своей жертвы... Нѣтъ, узнать брата ни при выстрѣлѣ, ни въ послѣ наступившей отъ внезапнаго перехода отъ свѣта къ мраку сугубой тьмѣ, Климъ Дикой никакъ не могъ!.. Но за то вы вспомните, что онъ все время боялся нападенія со стороны брата. Вѣдь удалось же намъ установить, что когда кто-то бросилъ въ него камень, то хотя Захаръ и былъ въ это время на хуторѣ и хотя всѣ данныя говорятъ, что бросилъ идиотъ Петенька, Климъ Дикой убѣжденно заявилъ: «это Захаръ!»... Тутъ уже своего рода манія преслѣдованія!.. Такъ развѣ не понятно, что почувствовавъ себя сраженнымъ на смерть, въ послѣдній мигъ сознанія, онъ могъ, конечно, подумать о братѣ и выкрикнуть его имя?..

Итакъ, мы видимъ теперь, что если отбросить въ сторону предвзятое рѣшеніе «убилъ Захаръ», то всѣ улики и психологическія соображенія оказываются несостоятельными. О психологіи я еще скажу нѣсколько словъ, а пока вернусь къ тому вопросу, который мы пытались освѣтить при допросѣ свидѣтелей, и который какъ-то затемнился, благодаря упорному нежеланію прокурора стать на сторону возможной невинности подсудимаго. А именно, я хочу опять подчеркнуть абсолютную невозможность для Захара Дикого, въ девять часовъ вечера разставшись съ кучеромъ на хуторѣ, который отстоитъ отъ мѣста убійства на двадцать слишкомъ верстъ, уже въ одиннадцать

очутиться у дома, подстеречь жертву и убить. Пусть разстояніе не таково. Пусть идя, цѣликомъ по пахоти и оврагамъ, переправляясь въ бродъ, можно сократить разстояніе до восемнадцати верстъ... Не забудьте, что это тотъ знаменитый русскій путь, о которомъ сказано: баба клюкой мѣряла! «И восемнадцати не наберется!» говоритъ кучерь... Но я, а по моему настоянію и должностныя лица обслѣдовали этотъ путь, а потому я могу утверждать, что во-первыхъ, тамъ не восемнадцать, а все-таки около двадцати верстъ, а во-вторыхъ, путь этотъ такъ неудобень, такъ тяжелъ, благодаря распаханнѣмъ полямъ и оврагамъ, что для человѣка, для лошади даже, невозможно его пробѣжать безъ передышки. Если бы Захаръ Дикой, даже въ состояніи крайняго нервнаго возбужденія, и пробѣжалъ его, то или упалъ бы около дома отъ разрыва сердца или, во всякомъ случаѣ, не могъ бы набрать силъ для вторичнаго путешествія на хуторъ... Я настаиваю на этомъ, я подчеркиваю это сто разъ и требую отъ судей совѣсти, чтобы они отнеслись къ этому вопросу со всей серьезностью. Если они это сдѣлаютъ, я увѣренъ, что вопросъ объ убійствѣ Захаромъ своего брата будетъ разрѣшенъ въ сторону отрицательную, какъ нѣчто прямо физически, при данныхъ условіяхъ, невозможное!..

Что касается поведенія участниковъ процесса послѣ убійства и заключенія подсудимаго въ острогъ, то прокуроръ былъ близокъ къ истинѣ, когда ихъ пассивность объяснялъ ихъ смиреніемъ передъ заслуженнымъ наказаніемъ. Конечно, въ глазахъ всѣхъ и въ своихъ собственныхъ глазахъ Захаръ Дикой совершилъ тяжкій грѣхъ и

долженъ понести наказаніе... Но этотъ грѣхъ не убійство, этотъ грѣхъ — смертный грѣхъ связи съ женой родного брата!.. Это кровосмѣсительство!.. Прокуроръ человѣкъ интеллигентный, онъ думаетъ и разсуждаетъ иначе, чѣмъ та среда, въ которой совершилось преступленіе... Для него, какъ и для всякаго интеллигента, убійство есть подлинно тяжкое преступленіе, а связь со свояченицей — грѣхъ весьма даже простительный, особенно, если свояченица такъ обольстительна!.. Такія связи очень часты въ интеллигентскихъ кругахъ и не способны возбудить большаго чувства, чѣмъ нѣкоторый конфузъ развѣ. Мы слишкомъ далеко отошли отъ первобытныхъ взглядовъ и понятій того темнаго круга, изъ котораго вышли герои этого процесса. Намъ и въ голову не придетъ, чтобы такія ужасныя переживанія могли быть послѣдствіемъ такихъ пустяковъ, какъ какая-то интрижка, хотя бы и съ женой брата!.. Но та среда думаетъ иначе, и трудно сказать, какой грѣхъ въ ея глазахъ страшнѣе: убійство или кровосмѣшеніе?.. А между тѣмъ, тамъ всякое несчастіе склонны объяснять Божескимъ наказаніемъ. Какое страшное впечатлѣніе должна была произвести ужасная смерть Климѣ Дикого на людей, которые считаютъ себя виновными передъ нимъ!.. Они украли у него жену и честь, они опозорили его, обидѣли, и онъ умеръ, ушелъ изъ жизни обиженный и оскорбленный!.. Прокуроръ правъ, что у русскаго человѣка покаяніе всегда слѣдуетъ сейчасъ же за преступленіемъ... Захаръ Дикой совершилъ тяжкій грѣхъ — Богъ покаралъ за этотъ грѣхъ всю семью, и они смирились передъ неисповѣдимостью Божьей воли.

Захаръ рѣшаетъ, что отказомъ отъ любви, радостей и счастья онъ долженъ искупить свой грѣхъ, а мать и возлюбленная съ покорностью принимаютъ его рѣшеніе. Вотъ откуда странное равнодушіе къ судьбѣ подсудимаго, со стороны его самого и его близкихъ... Это не равнодушіе, а смиреніе: да свершится воля Божія!..

Итакъ, прокуроръ говоритъ, что Захаръ Дикой убилъ, потому что онъ не могъ не убить... А я говорю вамъ, что онъ не убилъ, потому что не могъ убить!.. Онъ, можетъ быть, способенъ на убійство посторонняго человѣка, но никогда и ни при какихъ обстоятельствахъ, исключая мгновенную вспышку гнѣва, не рѣшился бы на убійство брата, передъ которымъ такъ тяжело виновать. Нѣтъ, передъ вами не убійца, а только несчастный, темный, запутавшійся съ своихъ страстяхъ человѣкъ! Онъ сталъ жертвою рокового стеченія обстоятельствъ... Но вы спросите меня, кто же тогда убилъ?.. Я не знаю. У меня въ распоряженіи нѣтъ никакихъ данныхъ для предположеній, ибо слѣдствіе велось только въ одну сторону... Но я напому вамъ, что сказанная въ запальчивости угроза Захара Дикого: «все равно убью, застрѣлю, какъ собаку!» была слышана многими... Кто знаетъ, не воспользовался ли кто-нибудь этимъ обстоятельствомъ, чтобы свести свои личные счеты съ покойнымъ, а подозрѣніе отвести на другого?.. Кто знаетъ, не былъ ли убійца въ домѣ, нѣтъ ли его среди свидѣтелей?.. А если убійца былъ въ домѣ, то становится понятнымъ и появленіе этого злосчастнаго ружья. Впрочемъ, это только догадки... Но не догадка, что мы судимъ невиннаго человѣка, ибо въ поль-

зу обвиненія нѣтъ, какъ мы видимъ теперь, ни одного серьезнаго доказательства. Быть можетъ, мнѣ не удалось убѣдить васъ, но я, не какъ защитникъ, а какъ человѣкъ, искренно взываю къ вамъ: бойтесь непоправимой, страшной судебной ошибки!...»

Защитникъ кончилъ. Трудно сказать, чтобы его рѣчь, дѣйствительно, убѣдила кого-нибудь въ невинности Захара. Мнѣніе о его виновности было слишкомъ прочно. Но несомнѣнно, что многіе призадумались. Впечатлѣніе же, во всякомъ случаѣ, было сильное, тѣмъ болѣе, что при словахъ защитника о несчастномъ, запутавшемся человѣкѣ, подсудимый вдругъ заплакалъ.

Послѣ пространнаго и довольно безцвѣтнаго резюме предсѣдателя, на обычную тему о томъ, что присяжные должны судить по совѣсти, не увлекаясь краснорѣчіемъ защиты, господа присяжные засѣдатели, кстати сказать, почти всѣ изъ базарнаго купечества, удалились въ совѣщательную комнату.

Въ теченіе болѣе чѣмъ часового ихъ отсутствія, настроеніе въ залѣ было смутное. Нѣкоторые даже раскаивались, что такъ легко увлеклись рѣчью прокурора. Публика только перешептывалась, да съ нетерпѣніемъ поглядывала на запертыя двери совѣщательной комнаты. Захаръ Дикой сидѣлъ неподвижно, опустивъ голову.

Звонокъ изъ комнаты присяжныхъ раздался какъ-то неожиданно, такъ что всѣ вздрогнули. Дверь отворилась и длинной черной вереницей присяжные вышли въ залъ. Ихъ старшина, сѣдобородый купецъ Милославскій, извѣстный и очень уважаемый въ городѣ, вышелъ впередъ съ

опроснымъ листомъ въ рукахъ. Было замѣчено, что лицо его выражало волненіе и жалость, которыя онъ тщетно старался скрыть! Многіе видѣли даже, какъ послѣ роковой фразы:

— Да, виновень!

Старикъ быстро взглянулъ на Захара и отвернулся, причемъ на глазахъ у него показались слезы.

XIV.

Присяжный повѣренный Духовецкій остано-вился на базарной площади, въ единственной при-личной гостинницѣ, которая называлась Красной, потому что была отстроена изъ неоштукатурен-наго кирпича. Онъ занялъ въ ней лучшій но-меръ, однако, довольно-таки грязный и подозри-тельный, въ смыслѣ клоповъ.

Судъ кончился поздно, и Духовецкому при-шло переночевать, чтобы ѣхать на вокзалъ, на другой день, къ обѣду. Онъ вернулся къ себѣ взволнованный и разстроенный до глубины ду-ши. Невинность Захара была для него несомнѣн-на, и приговоръ неожиданно ошеломилъ его. При-казавъ подать самоваръ, Духовецкій долго ходилъ взадъ и впередъ по номеру, подергивая носомъ и пожимая плечами. Иногда подходилъ къ окну и подолгу смотрѣлъ на площадь, точно въ ея пу-стынности и темнотѣ старался найти какое-то объясненіе случившемуся.

Городокъ утонулъ во мракѣ. Только подъ лу-чемъ единственнаго фонаря, у зданія полицей-скаго управленія, блестѣли лужи, колеблемыя вѣтромъ.

Передъ глазами Духовецкаго, какъ живые, проходили и присяжные, и ихъ сѣдобородый старшина, и свидѣтели, и Глафира съ матерью, и самъ подсудимый. Какіе это были странные, непонятные люди!.. Въ душѣ адвоката было смутное чувство. Его чуткій, нервный носъ какъ будто чуялъ что-то, чего не могъ уяснить разумъ, и Духовецкому было не по себѣ.

Во всей гостинницѣ царила глухая тишина. Въ номерѣ пахло затхлостью, пылью и клопами.

Кто-то тихо постучалъ въ дверь.

— Войдите! — крикнулъ Духовецкій.

Дверь медленно отворилась и показался высокій силуэтъ женщины, съ чернымъ платкомъ на головѣ и съ бѣлымъ иконописнымъ лицомъ. За нею, въ тѣни, пряталась еще какая-то сѣрая, безформенная фигура. Духовецкій узналъ мать осужденнаго, и ему стало такъ неловко, точно онъ одинъ былъ виноватъ въ исходѣ процесса.

— А, это вы! — сказалъ онъ, запинаясь.

— Мы, батюшка, — степенно и важно отвѣтила старуха, кланяясь въ поясъ.

Сѣрая тѣнь за нею поклонилась тоже, но уже совсѣмъ не степенно, съ какою-то дурацкой поспѣшностью. Это былъ идіотъ Петенька, котораго Духовецкій одинъ разъ уже видѣлъ.

— Мы къ тебѣ, батюшка, — продолжала старуха.

— Милости просимъ, — растерянно заторопился Духовецкій. — Садитесь, пожалуйста... Не угодно ли чайку?

— Покорно благодаримъ, — возразила старуха, — намъ не до чаевъ теперь. А сѣсть — сяду... ноги у меня болятъ.

Она сѣла, прямо, спрятавъ руки подъ платкомъ, и уставилась на адвоката тусклыми, покраснѣвшими отъ недавнихъ слезъ глазами.

Духовецкій сѣлъ тоже. Наступило молчаніе.

— Осудили сыночка! — сказала старуха, и голосъ у нея дрогнулъ.

— Да, — пробормоталъ Духовецкій, — я самъ не ожидалъ!.. Это какое-то ужасное недоразумѣніе!..

Онъ вдругъ замѣтилъ, что его что-то беспокоить. Это что-то были маленькіе глазки идіота, который стоялъ за спиной мамыши и не спускалъ съ него страннаго, какъ будто испытующаго взгляда! Духовецкій раза два невольно оглянулся на него, но идіотъ даже не мигнулъ.

— Но вы не огорчайтесь — продолжалъ адвокатъ, — дѣло еще не потеряно! Поводовъ къ кассаціи сколько угодно... Въ другомъ же составѣ присяжныхъ результатъ можетъ быть совершенно другой... Лично я до глубины души убѣжденъ въ невиновности вашего сына... Если угодно, я вамъ составляю прошеніе или... — вдругъ смутился Духовецкій, — можетъ быть, вы желаете передать дѣло другому адвокату?

Старуха покачала головой.

— Нѣтъ, батюшка... намъ другого не надо! Мы вами очень довольны... дай Богъ вамъ здоровья! Что жъ, сдѣлали, что могли!.. Многіе, говорили мнѣ, даже плакали... на судѣ-то!

Старуха подняла руку и кончикомъ платка утерла глаза.

— Нѣтъ, ужъ такая, видно, Божья воля!.. Конченное это дѣло. Не надо намъ прошенія... Богъ съ нимъ!

— То есть, какъ это?.. Вы отказываетесь отъ кассациі?.. — съ удивленіемъ спросилъ Духовецкій.

— Отказываемся, батюшка! — подъ платкомъ слабо махнула рукой старуха и потупилась.

Духовецкій даже растерялся. Онъ ожидалъ, напротивъ, обычныхъ слезъ, просьбъ, поклоновъ и моленій о спасеніи осужденнаго.

— Но, вѣдь... приговоръ можетъ быть отмѣненъ! — пробормоталъ онъ. — Я даже почти увѣренъ!..

— Нѣтъ, что ужъ тутъ... — возразила старуха, не подымая глазъ и какъ будто чего-то не договаривая. — Пусть ужъ такъ и останется... Воля Божія! — повторила она и подняла глаза.

Духовецкій развелъ руками.

— Каторга? Пусть будетъ такъ?.. Не понимаю!.. Конечно, какъ хотите, но... а какъ же самъ обвиняемый?.. Я долженъ...

— И онъ тоже отказывается, батюшка. Видѣла я сыночка... Начальство, дай имъ Богъ, допустило... Изъ тюрьмы я. Отказывается, батюшка, тоже отказывается.

Духовецкій совсѣмъ беспомощно развелъ руками и не зналъ, что сказать. Наступило тяжелое молчаніе.

Старуха подумала, пожевала тонкими, ввалившимися губами, вздохнула и встала. Духовецкій поспѣшно вскочилъ тоже.

— Значитъ, вы рѣшительно отказываетесь?.. Странно, очень странно!..

— Такъ ужъ мы рѣшили, батюшка! Ничего не подѣлаешь. Покорно благодаримъ за твои старанія, дай Богъ тебѣ всего хорошаго! Истинно, какъ передъ Богомъ, не сумлѣвайся!.. Очень

мы тобою довольны и вѣкъ будемъ помнить...
Кланяйся, Петька!.. — вдругъ сурово крикнула старуха, отступая въ сторону и открывая идиота, прятавшагося за ея спиной.

Идиотъ испуганно взглянулъ, не на мамашу, а на защитника, и быстро закланялся. Лицо у него было совершенно звѣриное.

— Ручку поцѣлуй, дуракъ! — такъ же строго приказала старуха.

— Что вы? Помилуйте! Зачѣмъ это! — дролепеталь растерянный Духовецкій.

— Ну, а теперъ, прощенья просимъ! Не поминай и ты насъ лихомъ, — сказала старуха, выпростала изъ подъ платка руку, протянула ее и положила на столъ, возлѣ самовара, большой пакетъ. — Прощайте!

— До свиданья! — пробормоталь Духовецкій.

— Ну, ты... иди! — скомандовала старуха, еще разъ поклонилась въ поясъ и вышла, пропустивъ впередъ себя сына. Дверь закрылась, и Духовецкій остался одинъ, въ совершенномъ недоумѣннн.

— Н-ничего не понимаю! — громко сказалъ онъ, не безъ досады.

Для него стало ясно, что тутъ есть какая-то душевная тайна, но въ чемъ она состоитъ, Духовецкій не могъ догадаться.

— Неужели, въ самомъ дѣлѣ, такая жажда искупленія?.. Но, вѣдь, не виноватъ же онъ!.. Чортъ знаетъ, что такое!.. Странные, странные люди!..

Ночь проспаль онъ тревожно. Кусали клопы и почему-то чудилась все время тупая, звѣриная морда идиота.

На утро, въ ожиданіи лошадей, Духовецкій отправился побродить по городу. Онъ любилъ эти маленькіе уѣздные города, съ ихъ заросшими кривыми улицами, пустынными площадями, низенькими домишками и чистенькими церквами. Въ одномъ изъ такихъ городковъ онъ самъ родился и выросъ. Но это было давно!

На базарѣ стояла жидкая, блестящая грязь. Закутанныя въ платки, въ обшлепанныхъ юбкахъ и толстыхъ сапогахъ, бабы-торговки сидѣли у своихъ ларьковъ, поджидая покупателей на бублики, сѣмячки и сухую тарань. Два-три мужицкихъ воза стояли посреди площади, поднявъ кверху оглобли, и ихъ худыя, но пузатыя лошаденки понуро жевали сѣно, набросанное прямо въ грязь, у колеса телѣги. Странное впечатлѣніе заброшенности и пустоты производилъ этотъ городокъ. За окнами, сквозь которыя виднѣлись кисейныя занавѣски и горшки съ цвѣтами, не показывалось ни единое живое лицо, точно всѣ попрятались именно отъ Духовецкаго. Только изрѣдка, щеголевато ступая по деревяннымъ мосткамъ своими лакированными сапогами, проходилъ какой-нибудь офицеръ, съ усиками, да кокетливо пробѣгала слишкомъ пестро одѣтая дамочка. Пробѣжали двѣ гимназисточки, въ коричневыхъ юбочкахъ, съ черными фартучками. Прошла до-родная купчиха, въ яркомъ шелковомъ платкѣ.

Духовецкій вдругъ вспомнилъ, что жена просила его купить такой платокъ. Эти платки тогда входили въ моду даже и въ высшемъ свѣтѣ. Духовецкій нѣжно улыбнулся, при воспоминаніи о своей молоденькой, хорошенькой и милой женѣ, на которой былъ женатъ всего три года.

— Надо купить! — рѣшилъ онъ, пріятно ощутивъ при этомъ толстый пакетъ въ боковомъ карманѣ, догнавъ купчиху и, вѣжливо приподымая шляпу, спросилъ: будьте добры... скажите, пожалуйста, гдѣ продаются вотъ такіе платочки, какъ вашъ?

Купчиха была вчера въ судѣ и сразу узнала адвоката. Она покраснѣла отъ пріятной неожиданности, законфузилась и, остановившись, стала объяснять пѣвучей скороговоркой:

— А вотъ, какъ перейдете площадь... вотъ, полѣвѣе шопы... такъ тамъ будетъ лавка Милославскаго... Кузьмы Сергѣича... у него и купите!

— Благодарю васъ, — сказалъ Духовецкій, еще разъ приподнявъ шляпу и пошелъ по указанному направленію, немного озадаченный страннымъ словомъ «шопа».

А купчиха стояла на тротуарѣ, какъ будто ей было жаль разстаться съ такимъ пріятнымъ собесѣдникомъ, и кричала ему вслѣдъ:

— Прямо... все прямо!.. Милославскаго, не забудьте!..

Духовецкій улыбался и кланялся, озабоченный только тѣмъ, какъ бы не попасть въ грязь.

Въ лавкѣ Милославскаго было темно и сыро. По стѣнамъ рядами шли длинныя полки, пестрыя отъ штуками наваленныхъ ситцевъ, кумачу и сатина. Пахло коленкоромъ. За прилавкомъ стоялъ шустрый пятнадцатилѣтній мальчишка, а у конторки грузно возсѣдалъ сѣдобородый купецъ и, растопыривъ пальцы, пилъ съ блюдечка жидкій, горячій, какъ кипятокъ, чай. При видѣ покупателя, онъ сейчасъ же поставилъ блюдечко, не спѣша всталъ и приподнялъ свой толстый ватный картузь.

— Чѣмъ могу служить? — степенно спросилъ онъ.

Духовецкій объяснилъ свое желаніе.

— Это можно... — такъ же неторопливо согласился старикъ. — Покажь, Володька! Да не тѣ!.. Со второй полки возьми. Вамъ, значить, поярче прикажете?

— Да, да, самые, знаете, яркіе!

— Слышь, Володька? — кинулъ купецъ приказчику и опять привѣтливо обратился къ покупателю: господинъ Духовецкій будете?

— Да, — удивился адвокатъ и только тутъ узналъ купца.

— Да, вѣдь, вы, кажется, вчера старшиной были?

— Такъ точно, — важно подтвердилъ старикъ.

Пока приказчикъ завертывалъ купленные платки, Духовецкій разговорился съ купцомъ.

— А скажите, пожалуйста, — сказалъ онъ, — теперь уже дѣло прошлое... а вѣдь, вы вчера неправильно осудили!

— Какъ, неправильно? — возразилъ старикъ. — Очень даже правильно!

— Да, помилуйте! Вѣдь, это же не онъ убилъ! — горячо воскликнулъ Духовецкій, подергивая носомъ. — Я въ этомъ увѣренъ такъ, какъ въ томъ, что передъ вами стою!

Старикъ помолчалъ.

— Ну, что жъ... что правда, то правда! Скрывать не стану... Не онъ убилъ! — вдругъ рѣшительно отрубилъ купецъ и глянулъ въ сторону.

Духовецкій такъ и обомлѣлъ.

— Не онъ?

— Извѣстное дѣло, не онъ!.. Захаръ не уби-

валь. Убилъ Петенька, дурачекъ... Это мы всѣ очень хорошо понимаемъ.

Меньше всего на свѣтѣ Духовецкій ожидалъ такого открытія. Хотя онъ и высказалъ предположеніе, что убійца находился въ домѣ, но мысль объ идиотѣ ни разу даже въ голову ему не пришла.

— Какъ — дурачекъ! — пролепеталъ онъ.

— А вы развѣ дурачка Петеньку не изволили видѣть?

— Нѣтъ, видѣлъ...

— Ну, вотъ, онъ и убилъ.

— Но позвольте!

— Нечего тутъ позволять!.. Мы это уже давно знаемъ, да молчимъ. Петенька и убилъ. Очень это вы тогда правильно замѣтили, что убійца, можетъ, въ домѣ былъ... Въ домѣ и былъ.

Духовецкій долго молчалъ, удивленно глядя на купца. Купецъ спокойно и важно взиралъ на Духовецкаго.

— Ну, хорошо... — наконецъ, пробормоталъ адвокатъ, — но почему же тогда... если вы знали... Позвольте, вы, значить, осудили на каторгу завѣдомо невиннаго человѣка?

— Ну, невиннаго!.. А кто же виновать?

— Да, вѣдь, вы же сами говорите!

— Я говорю, что убилъ Петенька... Петенька и убилъ. А причиной всему, конечно, Захаръ. Вѣдь, Петенька изъ за него брата застрѣлил!.. Любилъ онъ очень Захара-то. Какъ его тогда изъ дому удалили, дурачекъ и затосковалъ... Опять же Глафиру ему жалко стало... Дурачекъ, вѣдь, онъ!.. Безъ понятія, что тѣ въ грѣховной связи состоятъ. Дурачекъ, онъ — что святой!.. Развѣ

онъ эти дѣла понимаетъ? Покойный Климъ Ивановичъ былъ человекъ ндравный, тяжелый, обижалъ дурачка, а тѣ двое его баловали... Когда пятачекъ, когда конфетку... Ну, дурачекъ и убилъ!.. Думаль, поди, Захара выручить... по глупости, конечно!.. Такъ что же теперь? Выдавать его, что ли?.. Вѣдь, онъ грѣхъ на себя принялъ, человѣческую душу загубилъ и себя аду обрекъ... А всему причина — Захаръ!.. Не поддайся онъ слабости, не введи жену братнину во искушеніе, ничего бы и не было!.. Долженъ же онъ за свое окаянство претерпѣть или нѣтъ... какъ по вашему?

— Ну, по моему!.. Все-таки, не убиваль же онъ?

— Э, батюшка!.. Не тотъ убилъ, кто изъ ружья выстрѣлил!.. Изъ ружья, сами видите теперь, и дуракъ можетъ выстрѣлить!.. Захаръ душу свою убилъ!.. И себя убилъ, и Глафиру загубилъ ни за что, и брата... Пусть потерпитъ за то. Можетъ, за его страданія Богъ и проститъ ему. Пусть потерпитъ. У насъ тоже не всѣ согласны были... Ужъ я имъ и говорю: будетъ вамъ разсуждать-то, пишете, что виновень, а какъ не виновень, такъ ему на томъ свѣтѣ зачтется!..

— Какъ вы странно разсуждаете!.. — пробормоталъ Духовецкій.

— Такъ, вотъ, и разсуждаемъ, по своему разуму... — отвѣтилъ старикъ, ни мало не обидясь.

— Но, позвольте... значить, и мать, и Глафира это знаютъ?

— Конечно, знаютъ!

— И молчатъ?

— Потому и молчатъ, что грѣхъ.

— Но зачѣмъ же тогда меня приглашали?

— Ну, это ужъ по женской слабости... Любятъ онѣ Захара... Какъ ни какъ, а дѣло такое... То мать, скажемъ, а то полюбовница... Такъ рассуждали: коли, дастъ Богъ, оправдаютъ, значить, такъ тому и быть надлежить... Такая, значить, Его святая воля!..

— Но, позвольте, я, какъ защитникъ, обязанъ возбудить ходатайство о пересмотрѣ дѣла...

— Это ужъ какъ вамъ угодно, а только не совѣтую... — опять глянулъ въ сторону старикъ.

— Но, поймите, я не имѣю права молчать, когда мнѣ стало извѣстно...

Старикъ улыбнулся хитро и тонко.

— А что тебѣ, батюшка, извѣстно стало?

— Да, вотъ, вы...

Купецъ пожалъ плечами.

— Чего — вотъ?.. Я тебѣ ничего не говорилъ.

Духовецкій даже покраснѣлъ отъ негодованія.

— Неужели вы откажетесь отъ своихъ словъ?— воскликнулъ онъ.

— А, извѣстно, откажусь.

— Ну, ужъ это, знаете...

Лицо старика вдругъ приняло торжественное и глубокое выраженіе. Онъ взглянулъ на открытую дверь, какъ бы желая узнать, не слышитъ ли кто, и сказалъ приказчику:

— Володька, выйди на улицу... постой тамъ...

Мальчишка хитро посмотрѣлъ на него и выскочилъ изъ за прилавка.

— Вотъ, что я тебѣ скажу, — началъ старикъ, — оставь ты это дѣло!.. Нечего тебѣ сюда путаться. Оно, конечно, вы люди образованные, можетъ, по своему понимаете... Но только послушай ты моего слова, я тебѣ худа не скажу... Не тронь, не

вороши!.. Все равно, ничего изъ этого не выйдет!.. Что и говорить, Захара жалко... парень онъ душевный, правильный человѣкъ... Только ты самъ посуди, ну, оправдаютъ его... выпустятъ... А дальше что?.. Вѣдь, у него на душѣ всю жизнь камень лежать будетъ!.. Совѣсть его замучаетъ!.. Вѣдь, какъ-никакъ, а черезъ его грѣхъ и братъ пропалъ безъ покаянія, и дурачекъ душу свою загубилъ, и на всемъ дому позору этого по гробъ жизни!.. Развѣ онъ съ такимъ грѣхомъ на душѣ проживетъ?.. Вѣрно тебѣ говорю: запьетъ, весь домъ въ раззоръ пустить, и Глафиру замучить и самъ на себя, можетъ, руки наложить... А каторга, что жъ?..! И послѣ каторги люди живутъ. Ничего, пусть потерпитъ, душу очиститъ... Не трожь, тебѣ говорю!..

Старикъ, видимо, волновался и голосъ у него дрожалъ.

Смущеніе и даже какой-то страхъ охватили Духовецкаго.

— Но, вѣдь, не могу же я... — съ тоской проговорилъ онъ. — Поймите, вѣдь я обязанъ...

Купецъ молчалъ, но лицо его стало недоброжелательнымъ. Духовецкій смотрѣлъ на него почти умоляюще.

— Можетъ быть, съ вашей точки зрѣнія вы и правы... Но, вѣдь, я не могу смотрѣть вашими глазами...

— Это ужъ какъ вамъ будетъ угодно, — угрюмо пробормоталъ старикъ.

— Какъ я могу допустить, чтобы завѣдомо невиннаго человѣка послали на каторгу?

Лицо старика было замкнуто и сурово.

— Вѣдь, вы меня понимаете?..

— Мы-то понимаемъ, — наконецъ отвѣтилъ купецъ, какъ бы черезъ силу и не глядя, — да, вотъ, ты-то, батюшка, насъ не понимаешь!..

— Ну, не знаю... — совершенно ослабѣвъ, сказалъ Духовецкій. — Впрочемъ...

Старикъ молчалъ.

— Можетъ быть, вы и правы!..

Они помолчали. Духовецкому было тяжело и неловко, точно онъ былъ въ чемъ-то виноватъ.

— Ну, что жъ... — сказалъ онъ, — до свиданья, пока...

— Прощенья просимъ.

Духовецкій приподнялъ шляпу и нерѣшительно пошелъ къ выходу.

— Покупочку-то не забудьте, — сказалъ купецъ ему вслѣдъ.

— Ахъ, да!..

— Духовецкій вернулся, взялъ свертокъ и вышелъ изъ лавки, въ самомъ неопредѣленномъ состояннн духа.

Купецъ неодобрительно посмотрѣлъ ему въ спину, вернулся за конторку и взялъ въ руки простывшее блюдечко.

А когда Духовецкій ѣхалъ на вокзалъ, по пустымъ, мокрымъ полямъ, надъ которыми летали и каркали вороны, замкнутое строгое лицо старика стояло передъ нимъ неотступно. На душѣ было нехорошо, тоскливо. Назрѣвающія событія, о которыхъ онъ думалъ съ такимъ восторгомъ и въ подготовкѣ которыхъ, какъ членъ партіи, дѣятельно участвовалъ, вдругъ представились ему въ иномъ, смутномъ и тяжеломъ свѣтѣ, словно кровью окрашенномъ. Онъ смотрѣлъ внизъ, на бѣгущую мимо грязную дорогу, и думалъ:

Да, намъ ихъ не понять!.. Мы говоримъ на разныхъ языкахъ!.. Возмездіе?.. Да, они примутъ возмездіе и кровь прольютъ протоками, а потомъ будутъ терпѣть... Всѣ кары, всѣ бѣды, всѣ несчастія... Дикари?.. Только дикари?.. А можетъ быть...

Кругомъ, на десятки верстъ, разстилались рожія, зеленя и черныя поля. Лиловыя дали уходили и таяли, сливаясь съ сѣрымъ, необъятнымъ небомъ. Взъерошенныя вороны летѣли куда-то въ сторону отъ дороги. Дулъ порывистый сырой вѣтеръ, было холодно.

Духовецкій поднялъ воротникъ пальто и нахлобучилъ шляпу.

Москва, 1917 годъ.

447.757

EESTI RAHVUSRAAMATUKOGU

1 0100 00143874 2